

ВЛАДИМИР ЛЕОНОВ

В Раю снег не идет

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Владимир Леонов

**В Раю снег не идет.
Исторический роман**

«Издательские решения»

Леонов В.

В Раю снег не идет. Исторический роман / В. Леонов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839057-9

И был у Израиля пророк такой, как Моисей, которого Бог знал лицом к лицу; который рукой сильной сделал в земле Египетской над фараоном знамения и чудеса, освободил свой народ из рабства и довел его до границ Земли обетованной, сам лишенный права войти в нее... Книга в увлекательной форме дает широкое и глубокое представление об истории и религии.

ISBN 978-5-44-839057-9

© Леонов В.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Часть I. Царский дом	8
Глава 1. Сон фараона	8
Глава 2. «Вот родился в этот год сын у моего отца и матери...»	12
Глава 3. «Быть ему во дворце сыном моим»	14
Глава 4. «Не по разумению взрослого, а по детскому уму зеленому...»	17
Глава 5. Под двойным влиянием...	19
Глава 6. Моисей – полководец	21
Глава 7. Моисей, отбивший эфиоплян	24
Глава 8. Бегство Моисея	26
Глава 9. Моисей: беглец и царь	28
Глава 10. Моисей в стране Мадиямской	31
Глава 11. Первая встреча с Богом	35
Глава 12. Моисей, Иофор и Сепфора	40
Глава 13. «Умертвить его»	41
Глава 14. Единая фигура одного Пророка	42
Глава 15. Моисей и старейшины сынов Израиля	44
Глава 16. Первая встреча с фараоном	47
Глава 17. Хитрость Мернепта	50
Часть II. Пришел черед десяти казням	52
Глава 18. Первая казнь: «...и стала вода смрадом»	52
Глава 19. Казнь вторая: «...и вышла огромная жаба»	54
Глава 20. Казнь третья: «Поистине перст Божий»	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

В Раю снег не идет **Исторический роман**

Владимир Леонов

*И не было более у Израиля пророка такого, как Моисей,
которого Бог знал лицом к лицу...*

*и по руке сильной, и по великим чудесам, которые Моисей совершил
пред глазами всего Израиля*

Библ. (Второзаконие)

© Владимир Леонов, 2017

ISBN 978-5-4483-9057-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Зачастую считают, что Библия это сказка народа Израиля. Лубочная картинка. И то, что Моисея нашла дочь фараона, усыновила его, и что кормилицей была мать еврейка, и что египетский принц был сыном Израиля, – всё это придумано евреями в угоду своего тщеславия.

– Я еврей? – спрашивает Моисей у своей матери Иохаведы.

– Ты тот, кем захочешь себя считать. Бог дал тебе право выбора.

Моисей... Библейский Спартак и библейский Аттила. Человек, поднявший восстание рабов в самой могущественной империи того времени, и сокрушивший все царства на пути к Земле обетованной. Человек неповторимой исторической миссии, которая явилась высшим смыслом его жизни, высшей ценностью. Власть, богатство, слава не значили ничего для него. Он «прошел по Земле без них», поразив все грани воображения.

Сошедший с горы Синай, прижимавший к сердцу Скрижали Завета, Моисей принес миру свет Десяти заповедей и призыва «*Возлюби ближнего, как самого себя*». Свет так ярок, что рассеивает тьму столетий, тьму глубокой древности, расплывчатой и загадочной, и приближает нас к Моисею. И он предстает перед нами, современниками, как человек своего времени, – живой, исполненный противоречий и подлинного величия.

По Библии Моисей был евреем из колена Левия, сыном Амрама и Иохаведы, братом Аарона и Мариам.

По Талмуду, Пятикнижию, племя Левия оставалось верным Всевышнему всё время пребывания в Египте и, согласно Книге Исхода, было единственным, устоявшим перед искушением Золотым тельцом.

Во всей мировой истории трудно найти фигуру более загадочную и величественную, чем пророк Моисей.

Древнеегипетские письменные источники и археологические находки не содержат никаких сведений о Моисее.

Современная академическая наука, в целом признает истинность описанных в Библии событий, хотя, конечно, рассматривает и трактует их в несколько ином свете.

О Моисее писал историк античности иудей Иосиф Флавий (37—100 гг. н.э.) в книге «О древности еврейского народа». По свидетельству Иосифа Флавия, Моисей был сделан начальствующим над египетским войском в войне против эфиоплян, вторгнувшихся в Египет до самого Мемфиса, и с успехом поразил их.

Моисей (по иудейски Моше) – первый пророк Бога Авраама, Исаака и Якова, основатель его религии, законодатель, религиозный наставник и политический вождь.

В еврейской традиции указывается, что Моисей – это кругооборот (гилгул) души Авеля...

Три тысячелетия назад Моисей, как было ему начертано Промыслом, стал вождем мощного восстания рабов внутри Египта, самой гигантской и самой развитой державы своего времени. Он не только вывел свою армию невольников за пределы Египетской империи, но и навсегда освободил народ Израиль от рабства. Моисей положил конец могуществу Мемфиса, оставив за спиной полуразрушенную страну, мощь которой вскоре стала угасать, и, как итог, Египет превратился в придаток Римской империи.

Подобно Аттиле, но на тысячелетия раньше его, Моисей с самой организованной армией того времени появился на берегах Иордана, беспощадно разгромил народы, которые не уступили ему права на Землю обетованную – эта земля стала страной народа Израиль.

За тысячелетия до Будды и Мухаммеда Моисей создал мировую религию, которая выросла из самой себя, родилась воистину из ничего, из тьмы, а затем стала основой христианства и ислама.

Моисей считается автором одной из самых великих и самых сложных книг человечества.

Моисей сделал куда больше, чем все вы исторические или легендарные деятели. В сущности, он создал целый новый народ, идеология и мировоззрение которого и определили историю человечества.

Жизнь Моисея и события Исхода еврейского народа из Египта в Ханаан (Палестину) относятся предположительно к периоду правления XIX династии в Египте в 1305 – 1196 годах до нашей эры, т. е. происходили более трех тысяч лет назад.

Согласно одной из гипотез, правил Египтом во времена Исхода Тутмос IV. Став египетским царём, он получил титул Аменхотеп III.

Другие предполагают, что в Библии речь идёт о фараоне Рамсесе II и о его сыне Марнептахе.

Считается, что период правления Рамзеса II составляет в общей сложности 66 лет. Он – единственный из египетских фараонов, который правил почти 70 лет, его любимой женой была Нефертари.

При Рамсесе II Египет достиг своих максимальных границ. Во время его длительного правления, по праву считающегося одной из эпох высочайшего расцвета египетской цивилизации, было создано огромное количество храмовых комплексов и монументальных произведений искусства, в том числе уникальные скальные храмы Нубии в Абу – Симбеле и гробница в Луксоре.

Когда фараон приказал топить в Ниле всех еврейских новорождённых младенцев мужского пола, мать Моисея три месяца прятала его в своём доме, после чего положила дитя в просмоленную корзину и поставила в заросли тростника на берегу Нила. Корзину будто бы нашла дочь фараона и дала ему имя Моисей (что означает «спасённый из вод»).

Существует предположение, что доброй принцессой, нашедшей Моисея и усыновившей его, была Термутис – дочь Рамзеса II.

Живая античность, живая мифологическая образность будут смотреть на вас первозданной свежестью. Что позволило сделать слова автора более выразительными, облечь суждения в художественные образы, даты и обстоятельства. И тем самым глубже запечатлеть описываемое в вашей памяти, читатели.

Истории и легенды будут невольно захватывать вас, заставят включиться в переживания действующих лиц. Яркая образность и лаконичность изложения, приближение художественного мира подчас к языку и обычаям того времени, придадут событиям привкус вечного.

При написании и употреблении различных имен, антропоморфов и топонимов автор старался придерживаться не их оригинального звучания на иврите, то есть еврейском языке, а сложившейся в русском языке традиции написания и употребления библейских имен и понятий – за исключением случаев, когда написание того или иного слова в его оригинальном звучании казалось ему более оправданным.

*На небесах было решено, что Моисей будет воспитан
в царском доме, чтобы он являлся народу как царь*

Часть I. Царский дом

Глава 1. Сон фараона

1394 до нашей эры, осень. Рамсесу 33 года, он правит уже девять лет. Отец Рамзеса II, Сети I, передал ему власть, когда юноше только исполнилось 14 лет. Город Пер-Рамсес в дельте Нила становится новой столицей древнего царства. Иначе его называют «Домом Рамсеса, богатого победами».

Город окружен рукавами Нила и рыбными прудами, пронизан сетью каналов и улиц. В Пер-Рамсес стекаются купцы из Малой Азии и Микен, поэтому он богатеет быстрее, чем закосневшие в традициях старые города выше по течению Нила.

Именно здесь живет Рамсес II, в покоях, блещущих бирюзой и лазуритом. Народ видит Его лишь в тех случаях, когда Он соизволит показаться в «окнах явления» – в богато украшенных проемах дворцовой стены. «Рамсес есть Египет. Египет есть Рамсес», – выкрикивают приветствие, увидевшие его, и поклонялись ему, как богу.

Новый фараон начал строительство своей гробницы в Долине царей. Он расширил лувксорский храм в Фивах, соорудил огромную колоннаду в Карнаке, начал постройку новых святилищ в Абидосе, заложил в Фивах поминальный храмовый комплекс «Рамессеум». И повсюду изображался Он – в колоссальных статуях и на рельефах, как основатель, властитель, воин, любимец солнечного бога Ра. При этом изображение ни одного бога не превышало изображение самого Рамсеса.

По воле фараона гора Меха превращена в памятник его величия под именем «Абу-Симбел». Большой храм вырублен в скале на 63 метра в глубину, его фасад украшен изображениями богов, а четырьмя колоссальными статуями правителя, каждая высотой 22 метра. На рельефах показаны его победы. Вырубленный в скалах несколько глубже, Малый храм посвящен богине Хатхор и одновременно – Нефертари, – любимой супруге фараона. Вскоре после освящения Малого храма в Абу-Симбеле она умирает.

Для строительства городов в дельте Нила на земле Гесем, где на протяжении нескольких сотен лет пасли свой скот евреи, требовались тысячи рабочих. Рамсес обратил в рабов этот кочевой народ, живший на землях Гесем, стал изнурять его тяжелыми работами, поставив над ним начальников повинностей. И народ еврейский построил города Пифом и Раамсес как города запасов для фараона. И чем больше подавляли их, трудом горьким изнуряли, тем больше они размножились и распространялись. И стал царь египтян опасаться сынов Израиля...

Фараон едва сдерживал свой гнев. Остро напряглись скулы на коричневом лице, хрустнули пальцы сдавленных рук. Недобрый огонь горел в черных, как покрывало Изиды, глазах.

– Как вы посмели нарушить мою волю, – тяжелым голосом произнес Рамсес II, царь Египта. – Я повелел вам принимать роды у евреек, следить у родильного ложа. Мальчика убить, а девочку живой оставить. Вы не делали так, как приказал я вам, оставляли жизнь новорожденным мальчикам. Почему вы так делали, почему давали жить новорожденным? Вы знаете, что за неповиновение фараону вас следует казнить!

Обе повивальные бабки стояли на коленях, не смея поднять лицо на всемогущего царя. Катились слезы по сморщенным щекам, дрожали от страха головы с повязками на седых волосах.

– О, наш повелитель, – прерывистым голосом заговорила Шифра. – И я и Фуя тайно выслеживали молодых евреек, предлагали им наши услуги при рождении ребенка. Но они, как

здоровые кобылицы, убегали от нас, старух, лишь издевательски смеялись над нами. А еще и языки показывали вслед, как будто рабынями были мы, а не они.

– Да, да, – глухо заговорила Фуя, – еврейки не похожи на египтянок. Они никогда не болеют, какие – то неведомые боги оберегают их. И они, как животные, тайно рожают, и мы не знаем, когда и где они это делают.

В один голос повивальные бабки твердили, что они готовы помочь фараону умерщвлять новорожденных мальчиков – евреев, но не знают, как это сделать.

Резким взмахом руки Рамсес II отпустил этих бестолковых, как ему казалось, повивальных бабок из тронного зала. Конечно, еврейки рожают, и рожают много, это он знал от своих соглядатаев. Также знал, что рождаются сильные и здоровые дети, оттого быстро рос и крепнул израильский народ, словно хорошее зерно после обильного дождя.

Сумрачная тень пробежала по лицу фараону: а ведь этот народ уже напоминает хищного крепкого орла, и как бы египтяне не стали добычей в его острых когтях!

– Мой далекий прадед, – вслух проговорил Рамсес, – и зачем ты дал евреям эти плодородные земли Гесем? Они жили там без тягот и лишений, поклонялись одному своему таинственному богу, не молились нашим идолам, не приносили им жертвы. Кем они чувствовали себя? Рабами? О нет, свободными! Они презирали наши обычаи, наших богов; жили тайно от нас, а теперь их так много, что рыбы нет столько в наших реках и озерах. Сыны Израилевы расплодились и размножились, и возросли и усилились чрезвычайно, и наполнилась ими земля Гесем.

Рамсес II «не знал Иосифа», бывшего первым вельможей при одном из его предшественников. Он не любил народ Израиля, считал его чуждым Египту, нечестивым, потому и обратил в рабство потомков Иосифа Прекрасного

День и ночь евреи работали на фараона, строили города, пирамиды и храмы.

Под жарким солнцем месили они глину, складывали кирпичи, тесали камни. Руки у них покрывались ранами. Песок разъедал нарывы. Ноги, скованные цепями, увязали в песке. Люди мучились от жажды и голода, и когда они ели свою скудную пищу, на зубах у них хрустел песок.

Рабов понукали, подстегивали злые надсмотрщики – египтяне. У каждого в руке была плеть. Горе рабу, если он хоть на миг смеет распрямить свою усталую спину и перестанет работать. Надсмотрщик бил его плетью, и несчастный со стоном падал в песок.

Но каторжный труд не сократил численности евреев...

В один из осенних дней 1394 до нашей эры Рамсес спешно собрал мудрецов. Пламя факелов, закрепленных на позолоченных стенах тронного зала, отражаясь от мраморных плит пола, извивалось диковинным змеем, как бы предупреждая о близкой опасности.

– Скорбь моя бесконечная, ибо зло пришло в Египет. Эти нищие, прикованные к каменоломным тачкам евреи не просто здоровы, как кобылы из моих царских конюшен, – голос фараона дышал гневом, – они еще и размножаются как мухи в пустыне: численность евреев уже 700 тысяч человек. Скоро их станет больше египтян. И как я не просил, как не молил нашего священного Гора, владыку Верхнего и Нижнего Нила, послать проклятия на рабов, истребить это скверное племя, рабы только злорадствуют и насмеются над нашим верховным богом, называя его уродцем.

Рамсес замолчал. Только искры от горящих факелов, падая вниз с коротким хлопком, нарушали тишину

– Наши боги молчат. В этом непонятная и какая – то страшная тайна, как будто у них повязки на глаза и ушах. Еще никогда они не оставляла без ответа мое обращение, – фараон поднял руки, провел ими по лицу. – Я чувствую беду от евреев, черную беду – восстание! И тогда весь Нил будет в крови, мужчины вырезаны, а египтянки станут потехой в руках этих грязных нечестивцев.

Придворные жрецы, мудростью известные на всей земле священной, вздрогнули, как будто с грохотом рухнула огромная статуя главного бога Гора – жизнедателя, установленная на центральной площади Мемфиса.

– Я расскажу вам о своем сне, – фараон обвел немигающим взглядом лица мудрецов. – Ночью это было сегодняшней.

Царь Верхнего и Нижнего Нила поведал придворным о своем необычном сне: «Сижу я на троне, и стоит перед троном старец с большими весами в руках. Вдруг старик протянул руку, схватил ею всю знать Египта, весь цвет нашей великой империи и положил на одну чашу весов. Затем он извлек откуда – то маленького ягненка и положил его на другую чашу – и медленно чаша весов с ягненком пошла вниз...».

А затем задал вопрос своим мудрецам: «Как истолковать этот сон?» Египетские маги поникли головами – нет разумного толкования.

У правителя Нила в это время гостили три языческих мудреца с других земель: маг Валаам, жрец Иоффор и праведник Иов.

Прорицатель и тайновед Валаам был очень некрасив: крив на один глаз, хром на другую ногу, а волос гривой крупной, как у матерого жеребца, падал на плечи. Однако он был одним из семи величайших пророков среди язычников. Житель далекой Месопотамии, Валаам занял такое же положение среди язычников, какое займет позже пророк Моисей среди избранного народа. Завистливый глаз, могучий дух и ненасытное вожеление – вот суть внутреннего мира Валаама.

Валаам любил золото, но еще больше не любил евреев. Он их ненавидел. Потому, что происходил из рода Лавана, у которого двадцать лет батрачил Иаков, а потом Иаков разбогател, обзавелся стадами и отарами; стал богаче Лавана и вернулся из Месопотамии на родину в Ханаан со своей семьей и праведно заработанными стадами. Но из поколения в поколение потомками Лавана передавалась легенда, что Иаков украл все имущество у Лавана. И Валаам расценивал это как предательство, измену, нечистоту, которую можно смыть только кровью.

А еще потому, что предвидел свой бесславный конец и справедливо винил в этом еврейский народ.

– Великий фараон, – сказал, поклонившись, Валаам. – — Ягненок – это символ еврейского народа, ведь евреи всегда были пастухами. Твой сон говорит, что угроза для Египта со стороны евреев возрастает. Великое зло грядет для Египта от народа израильского. Ибо должен родиться в этом народе между потомками Иакова дитя к славе Израиля и стыду Египта – оно освободит евреев от власти твоей. Вот о чем сон твой.

Я думаю, твой первый советник прав, о божественный! – выступил вслед за Валаомом главный астролог. – Звезды однозначно говорят, что недавно в земле Гесем был зачат мальчик, который принесет нашей стране неисчислимы беды. Я не могу понять, еврей он или египтянин, – с этим связана какая-то загадка, но я точно знаю, что смерть к нему придет от воды.

– Но знай, царь Египта, – снова заговорил Валаом, – огонь не принес вреда первому иври Аврааму, брошенному в печь. Жертвенный нож не коснулся горла Исаака, сына его. Рабство у Лавана только умножило богатство Иакова, внука Авраама. Остается только – вода. А посему, прикажи своим слугам топить всех мальчиков, которые родятся у израильтян!

Жрец Иоффор был родом из Мадияны, страны свободных кочевников, которые когда – то увезли в Египет Иосифа; всего лишь за 20 монет серебром продали им Иосифа братья его.

Сказал жрец:

– Отступись от израильтян – дай им уйти в землю свою Ханаанскую.

Добрый и благочестивый праведник Иов сказал:

– Великий фараон! Ты один властен над жизнью своих подданных; сделай, что угодно в очах твоих...

Так появился закон, обязывающий бросать в Нил всех еврейских младенцев мужского пола: «Всех новорожденных мальчиков – евреев топить в воде. Пусть крокодилы Нила питаются их мясом».

Рамсес повелел провести перепись всех беременных женщин в стране и определить срок их беременности. Теперь Шифра и Фуа уже ничего не могли сделать – солдатам фараона была известна дата, когда каждая еврейка должна была разрешиться от бремени, и вскоре после родов они врывались в дома и, если младенец был мальчиком, вырывали его из рук матери и бросали в воды великого Нила. Стон и плач стояли в эти дни по всему Египту, но никто не осмеливался нарушить приказ великого Рамсеса...

Так начиналась история Валаама и Моисея. Она закончится через сто двадцать лет в самом конце Исхода, на пороге вступления израильтян в Ханаан, Землю обетованную. Они уйдут из жизни почти одновременно: опозоренный язычник, убитый карающей дланью еврея Финееса, и великий пророк, погибший странной смертью, неизвестно где захороненный, загадка которой так и не разгадана до сегодняшнего дня.

Три язычника, три судьбы – каждому было воздано по заслугам, поступкам. По еврейским обычаям, важнейшим критерием праведности являлся поступок. А праведное желание было необходимым, но недостаточным условием вознаграждения.

Валаам теряет дар пророчества, который делал его бессмертным, и короткий меч еврейского героя пронзает его горло.

Иофор станет тестем Моисея, его дочь Сепфора будет верной подругой пророка – спасет его от гнева Бога, пожелавшего убить Моисея за малодушие при походе на Египет.

Иов пройдет через мучительные страдания, описанные в одной из самых великих и самых сложных книг Библии и названные «Страдания Иова»

И все трое останутся в нашей памяти как язычники, давшие избранному народу выражения, ставшие классическими:

– *Как прекрасны шатры твои, Иаков, жилища твои, Израиль!* – слова, которые произносит против своей воли Валаам, станут первой строкой в ежедневной утренней молитве – самой длинной из всех ежедневных еврейских молитв.

– *Варух ха-Шем! (Благословен Господь!)* – впервые произнес их язычник Иофор после встречи Моисея с Богом у кустарника, получившего название «Неопалимая купина»

– *Господь дал, Господь и взял... Да будет имя Господне благословенно!* – смиренно будет повторять Иов, когда череда нестерпимых страданий обрушится на праведника, не понимающего, в чем его вина перед Богом, за что он был лишился богатства, потерял детей, подвергся самой ужасной болезни – проказе...

И вот так незадолго до появления Моисея Рамсес II и отдал двум повивальным бабкам негласное повеление следить за молодыми женщинами – еврейками, принимать у них роды и как бы ненароком убивать еврейских мальчиков. Но ни один не был убит.

«Щедрыми дарами еврейским осыпаны были повивальные бабки за свое молчание – знали они, что жены еврейские уходили в поле и рожали там, и спускались ангелы с неба, купали новорожденных и повивали их; вкладывали в обе руки им два камня, чтобы из одного сосали масло, а из другого – мед.

И выходили разведчики фараона на поле искать новорожденных, вспахивали плугами и сохами своими землю, но повелением тайной силы отверзалась земля и принимала младенцев, утаивала их.

Вырастали дети на поле во множестве, вскормленные маслом и медом, оттого крепкими и здоровыми были. И умножился народ еврейский, и становился все сильнее в Египте» – так утверждало еврейское предание.

Глава 2. «Вот родился в этот год сын у моего отца и матери...»

Моисей появился на свет 7 адара (февраль, 1393 до нашей эры) ночью поздней и неожиданно для матери Иохаведы, потому – то она в поле чистое не успела пойти, а дом неожиданно озарился серебряным волшебным светом. Разведчики фараона, привлеченные необычным сиянием, побежали к дому.

Вскрикнула, объятая ужасом, мать новорожденного:

– Мариам, дочь моя, спасай брата своего Мелхия! Враги рядом, прольется кровь невинного младенца.

Мариам крепко обхватила брата, что – то шепнула на ухо, быстрым шагом приблизилась к печи и бросила младенца в огонь, закрыв своей спиной огненное чрево. Иохавед от сотворенного зла потеряла сознание.

Шпионы ворвались в дом:

– Где ребенок? – угрожая кинжалом, на Мариам набросился старший. – Говори, или отправляю тебя к крокодилам Нила!

Мариам стояла неподвижно, взгляд блестел, как ночная звезда, обдавая соглядатая обжигающей смелостью и гордостью.

– Здесь нет младенца, – голос девушки был тверд, как металл кинжала, – только я и моя больная мать.

Все щели старого дома высмотрели воины фараона, но так и не нашли Мелхия. Только в печь не заглянули, а Мариам не отходила от нее, закрывая своим телом.

Как только закрылась дверь за египтянами, пришла в себя Иохавед:

– Какое зло содеяла ты, – гневно произнесла она, – сожгла в печи моего сына и своего брата.

И вдруг увидела ошеломленная мать, что огонь в печи погашен, а Мариам держит на руках живого и невредимого младенца.

Мариам бережного положила спящего безмятежным сном Мелхия на полати рядом с Иохаведой и сказала пророческие слова:

– Вот родился в этот год сын у моего отца и матери, и он спасет Израиль от власти Египетской.

Этому ребенку предстояло войти в историю своего народа и человечества под именем Моисея. Ребенок родился «обрезанным», то есть без крайней плоти, и это немедленно было воспринято матерью как знак свыше.

И поистине, младенец Мелхий был прекрасен, светилась в нем необычная, неземная красота. И потому верила мать словам своей умной не по годам двенадцатилетней дочери Мариам, прятала его тщательно от глаза египтян. А когда те стали носить своих маленьких детей в еврейские дома, чтобы откликнулось дитя еврейское ребенку египетскому, зажигала печь и клала Мелхия в огонь – горел огонь, но живым оставался младенец.

Шел конец месяца февраля, сделалось солнце жаркое над Египтом, побежали в Нил дальние ручьи с ледовых предгорий. И разлилась главная река Египта водой высокой и бескрайней, стеной непреодолимой отгородив дом Амрама и Иохавед от шпионов фараона.

И шептала Мариам в углу дальнем дома горячие слова благодарности, возбуждающие чувства и обостряющие ум, а брат ее Мелхий не по возрасту имел мудрую сдержанность во взгляде, глубоком и чистом, словно знал младенец о своем особом предназначении.

Совпавшее с рождением Моисея разлитие Нила продолжалось три месяца. Доброта и любовь царили все это время в доме.

Но пришла жара на землю египетскую, стоял месяц апрель. Воды Нила ушли вниз, забегали в ночи коварные разведчики фараона, выискивая новорожденных.

Иохавед чувствовала, что беда вот – вот нагрянет и в ее дом.

– Мариам, дочь Амрама и моя дочь, – сказала утром она. – Сон ночью пришел ко мне. Я и ты в богатом доме, бегают по нему люди и не могут понять, откуда льется сияние серебряное, как будто Луна небесная спустилась на землю.

Мариам ласково обняла мать и радостно воскликнула:

– Твой сон ключ к спасению Мелхия. Тебе снился дворец фараона, а сияние исходило от моего брата – великое будущее ждет его. Мы спасем Мелхия, если он окажется в доме властителя Египта. Только надо придумать, как это сделать.

Если Мариам придумала средство для спасения только что родившегося брата, поместив его в горящую печь, то Иохавед для защиты сына изыскивает второе средство. Она обращается к воде. Огонь и вода, два начала в творении мира и человека, и оба талисмана сошлись в одном месте и в одном времени для избранного народа. А еще две женщины, мать и сестра, словно драгоценные камни оникс, освещали сердца своими великую, сложную и драматическую судьбу Мелхия.

Из камыша, который использовался для изготовления кирпичей, ночью и тайно от глаза постороннего Иохавед сплела корзину, обмазала ее красной глиной, соорудила над ней небольшой балдахин и, положив младенца в корзину, осторожно опустила ее в воду – в заросли росшего на берегу Нила камыша, в нескольких метрах от того места, где обычно купалась принцесса.

Вот так, в тихую звездную ночь 6 сивана, апреля, 1393 до нашей эры, в при полнолуной Луне, под знаком Промысла поплыл навстречу своей судьбе младенец, которому предстояло вывести евреев из Египта и вернуть их на исконную землю Ханаан.

Чаяния Иохаведы по спасению от умерщвления Мелхия таинственным образом переплелись с принцессой Мермуфис. В ней она увидела спасительницу – и поняла это Иохавед, когда Мариам, имевшая привычку ночами звездными бродить по берегу реки, увидела дочь фараона, купавшуюся в теплой от дневного солнца воде.

Услышав такую весть от дочери, воскликнула в возбуждении Иохавед:

– Наш Бог послал знак, как спасти младенца. Мы спустим его в камышовом ковчеге по излучине реки. Там, где купается принцесса, много водорослей, они задержат корзину, и Мермуфис обнаружит Мелхия. Надеюсь, у нее доброе и сострадательное сердце, и она возьмет ребенка к себе во дворец, и полюбит его как сына.

Обняв Мариам, Иохавед заглянула в ее глаза, и, видимо, осталась довольная открытым и преданным взглядом дочери.

– А ты, Мариам, будешь идти вслед плывущей корзине, – доверительно закончила она, – чтобы не потерять корзину. А когда принцесса увидит ее, то подойти к ней и предложи кормилицей еврейку, меня. Тогда мы будем жить вместе, растить Мелхия и не дадим его в обиду.

Со слезами на глазах Мариам произнесла дрожащим от волнения голосом:

– Наш народ всегда будет благодарен тебе за спасение вождя.

И в тот же момент, когда Иохавед опустила корзину с Моисеем в реку, главный астролог фараона поспешил к своему повелителю, чтобы сообщить радостную весть: звезды поведали ему, что спаситель евреев только что был брошен в Нил, где, вероятнее всего, и найдет свою гибель.

Глава 3. «Быть ему во дворце сыном моим»

Принцесса Мермуфис (в еврейской версии – Батья), любимая дочь властителя Египта. Казалось, солнце пряталось за облака, когда она легкой походкой и с безмятежной улыбкой, как у ребенка, проходила по коридору, так светло и радостно становилось вокруг. Всемогущий бог Ра будто вложил в юную красавицу ломтик солнца, влил в ее сердце сладкий нектар любви, оттого мир рядом с принцессой был похож на улыбку бога – на радугу. Рамсес баловал дочь, окружил ее отцовской любовью, слугами и заботой. Озорной звонкий смех дочери приводил его в хорошее самочувствие. Шутил фараон:

– Моя Мерфумис, ты послана мне богами Египта, чтобы утешать в дни печали и радовать во все остальные.

Стоял зной в стране, солнце заливало землю огненной лавой. Сохли травы и пшеничные колосья, спасение от жары и духоты Мермуфис находила в речной воде; каждый вечер, как только солнце уходило за расплавленный горизонт, принцесса со своими служанками спускалась к реке искупаться. Место выбрано было не случайно: река делала поворот, замедляя течение, росли у берега маслянистые водоросли, образуя тихую и теплую водную обитель, купаться в которой было приятно и безопасно...

Мермуфис легко, словно горная лань, оставив позади других женщин, подбежала к спокойной водной глади, которая под звездным небом завораживала своей чистотой и прозрачностью. Сбросив легкую накидку, девушка уже хотела войти в реку. Но что это прибило к одинокому дереву, росшему среди водорослей? Вскрикнула принцесса, призывая на помощь слуг:

– Сюда, быстрее. Я вижу корзину в реке и слышу детский плач из нее.

Одна из рабынь вбежала в воду, взяла в руки корзину и подошла к своей госпоже. Восхищение отразилось на лице Мермуфис – на дне корзины лежал необычайно красивый мальчик. Подавшись материнскому инстинкту, смешанному с чувством сострадания и жалости, она взяла плачущего младенца на руки, прижала к своей груди и начала успокаивать легким покачиванием. Ребенок затих, обняв свою спасительницу теплыми и мягкими ручками за шею. Мермуфис, никогда не имевшая детей, почувствовала, как на глазах появились слезы от такого умильного жеста.

– Это из еврейских детей, – сказала она женщинам, – его хотели спасти в воде от гибели. И милосердные боги Египта выбрали не случайно спасительницей меня – уготована этому мальчику судьба великая, хотя и тайною покрыта. Быть ему во дворце сыном моим.

Мермуфис знала, что ее отец, правитель земли египетской, души не чает в дочери и потому простит ей нарушение царского закона. Как только он увидит счастливые глаза принцессы, обнимающей нежно такое прелестное дитя, фараон сжалится и разрешит ему жить во дворце.

– Дам я ему имя Моисей, – продолжала дочь фараона, – ибо вынут он мною из воды, взяла я его из реки...

История увидела в этом имени свой, символический, двойной смысл: с одной стороны, Моисей был сам вытасчен из воды, а с другой – он как бы вытаскивал, вытянул евреев из-под ига рабства.

А сто двадцать лет спустя, на Исходе дней своих, на горе Нево вспомнит старец Моисей ласковые руки красивой египетской принцессы, убаюкивающей нежной песней плачущего младенца, будущего вождя народа Израиль...

– Наверное, голоден ребенок, произнесла Мермуфис. – Мои служанки, покормите его своим молоком!

Несколько женщин египтянок пытались кормить, но Моисей не хотел сосать, отворачивался упрямо. Сообщила Мермуфис, что нужна ему материнская грудь еврейки, иначе погиб-

нет младенец. Да и спокойнее будет самой принцессе во дворце, ибо возненавидят египтянки еврейского мальчика и незаметно яд добавят в пищу. А в руках кормилицы – еврейки он останется живым и невредимым.

И сказала дочь фараона рабыням своим:

– Найдите здоровую женщину еврейку, порчей и болезнями не страдающую. Во дворец приведите, будет кормилицей дитя моего.

Услышала эти слова Мариам, которая незаметно пряталась за кустарниками, подошла к купальницам близко.

– О, моя повелительница, – поклонившись в пояс, произнесла сестра Моисея, – добрей тебя нет в Египте, если ты решила приютить бездомное дитя. Я знаю хорошую кормилицу. Послушная, молящаяся, здоровая. Да и разумием ясная, как день в солнце. Эта женщина – еврейка вскормит ребенка, будет он здоровым и сильным.

– Приведи мне эту кормилицу. Я дам ей плату.

Обрадованная Мариам быстрее ветра домчалась до дома Иохавед и сказала:

– Дочь фараона призывает тебя стать кормилицей твоего сына и моего брата. Поспешим.

Обе женщины предстали перед Мермуфис. Осталась довольна она видом кормилицы: ухожена, взгляд добрый и умный, грудь высокая, материнская.

Сказала дочь фараона:

– Вскорми мне это дитя, и я положу тебе по две серебряные монеты на день.

И взяла Иохавед дитя на руки и вскормила его. Моисей сосал молоко с наслаждением, трогательно причмокивая губами, крепко вцепившись маленькими рученьками в грудь своей кровной матери.

Так и началась судьба еврейского героя: те самые люди, которые хотели погубить его при рождении, сохранили ему жизнь и воспитали в царских условиях.

Никто и не подозревал ни того, что молодая посланница царевны была Мариам, сестра малютки, брошенного в воду, ни того, что кормилица, приведенная ею, была Иохавед, мать их обоих.

У Мермуфис во дворце гостила ее сестра, болевшая проказой и обреченная на муки и страдания. Когда Мермуфис вошла в покои с младенцем на руках, она подошла к ним и, посмотрев на Моисея, пришла в возбуждение, дрожь прокатилась по всему телу:

– Тебе плохо, сестра моя любимая? – испуганно спросила Мермуфис.

– Предчувствие охватило меня, – ответила та. – Ребенок должен вылечить меня.

Мермуфис увидела, что Моисей широко открыл глаза, и его крохотные руки потянулись к сестре.

– Пусть ребенок положит их на меня, – сказала сестра.

Больная неизлечимой проказой, женщина подошла к Моисею и опустила на колени. Мальчик дотронулся ручкой до ее лба, и с дочери фараона опали куски кожи с нарывами и ранами.словно сухие листья во время осеннего ветра. И вмиг лоб стал чистым и здоровым, болезнь ушла.

Царевна полюбила Моисея как сына. Она любила дитя, потому что его душа свежая, как бы только вышедшая из рук Творца, еще не думает о власти и богатстве, и еще не знает ни о чем, кроме любви. Она любила дитя, потому что оно слабо и нуждается в ее защите, чтобы противостоять первому испытанию, которое может унести его душу обратно в небо. Она любила дитя, потому что оно – воплощенная и живая надежда. Мермуфис следовала влечению своего сердца. Приемыша она назвала своим сыном. Правда, она не дала ему жизни, но спасла его от верной смерти – а это значило для нее, что она поступила как истинная мать.

И не случайно, в память дня и обстоятельства, при которых была найдена эта отрасль отверженного племени, она назвала малютку Моисеем – *спасенным мною от воды*.

Так случилось, что до двух лет Моисей спокойно рос в собственном доме на руках своей матери, да еще и под покровительством принцессы Египта. Язык его матери – иврит – стал его родным языком. Йохевед сделала все, чтобы привить сыну мысль, что он принадлежит к еврейскому народу, и если небесам было угодно спасти его от смерти, то только потому, что на него возложена некая миссия, которую он должен будет исполнить, когда придет время

Моисей в два года был возвращен Йохевед во дворец дочери фараона. Со свободой, свойственной египтянкам того времени, тем более для представительницы правящей династии, для которых были доступны почести трона, Мермуфис со своим сыном на руках пришла к своему отцу и передала на руки царя этот прелестный подарок Нила.

Рамзес еще не стар и на вершине славы после своих побед. Этот великий египетский завоеватель был прекрасен, величественная голова носила печать ума, энергии и откровенности, соединенная с ласковой улыбкой, когда он видел свою дочь.

Царевна сказала отцу:

– Боги Нила лишили меня права иметь собственных детей. Я очень страдала, что не могу подарить тебе наследника. И вот боги смилостивились надо мной, послали мне божественный подарок – это прекрасное дитя, наделенное чудесными способностями. И я хочу, чтобы он стал моим сыном и твоим наследником.

Фараон впервые обратил свой взор на малютку Моисея. Лежа на руках царевны, он улыбался так невинно, и так щедро, что сердце фараона растаяло, он с нежностью посмотрел на дочь.

– Моя единственная и самая любимая дочь, – трогательно произнес фараон. – Я рад, что ты нашла счастье в этом ребенке, он мне понравился. Пусть будет именно все по – твоему. Воспитывай его как своего сына и моего будущего наследника.

Фараон обнял дочь, поцеловал Моисея. Мальчик прижал свои ручки к голове властителя, тот он ощутил свежесть и покой, идущие от ребенка...

Глава 4. «Не по разумению взрослого, а по детскому уму зеленому...»

Шел третий год от рождения Моисея, окружен он был ласкою и щедрой любовью Мермуфис. И вот пришла царевна с Моисеем на ужин к отцу своему за стол, богато уставленный яствами. Сидели за столом вельможи и мудрецы.

Села Мермуфис с ребенком на руках слева от фараона. Тот потянулся к ребенку, чтобы поцеловать его. К изумлению вельмож, Моисей внезапно протянул ручки к голове фараона, снял корону и крепким движением надел ее себе на голову.

Задрожали вельможи от страха. Дерзкий поступок приемного сына привел в ярость фараона, и он крикнул:

– Утопить ребенка в верховной реке! Он посягнул на самое святое в нашей империи, на символ божественной власти. Отправить его к хищникам Нила!

И воскликнул тогда радостно коварный волхв Валаом и сказал:

– Помнишь, повелитель мой, про сон, который ты увидел, и то, как я, раб твой, его истолковал тебе. Уверен, что это тот младенец, о рождении которого я тебе предсказывал... Это еврейское дитя несет в себе дух чужого бога, и оно намеренно так поступило, ибо хочет забрать себе царство египетское... Надо убить этого младенца, – как только он вырастет, то отнимет царства твое, и тогда погибнет надежда Великого Египта.

Тряхнул головой злобно Валаом, отчего длинные черные волосы взлетели вверх и стали извиваться, как гадкие твари пустыни:

– Ребенок должен погибнуть, и тотчас же! Промедлишь, мой повелитель, и тогда на Египет обрушатся беды, от которых твой народ содрогнется.

Бросилась на защиту дитя своего бесстрашная Мермуфис, со стоном упала на колени :

– Милосердный отец мой, удержи гнев свой. Не по разумению взрослого, а по детскому уму зеленому и незрелому, потянулся Моисей к золотой короне, ибо сверкала она как солнце и притягивала взгляд неискушенного младенца.

Заколебался фараон, а вдруг и права дочь его. Да и как обречь на лютую смерть прелестного мальчика, который играет у тебя на глазах, нежно обнимает и, обдавая теплым дыханием, целует сладко щеки; мог ли он дозволить принести в жертву приемного сына своей дочери, дитя, которое играло на его коленях, которое он сам осыпал своими ласками?

Почувствовал фараон, как выступила испарина на лбу.

– Подари ему жизнь, – слезы переполняли голос Мермуфис, разрывая сердце любящего отца, – и ты уподобишься великим богам. О, верь мне, вырастет Моисей смелым и сильным воином, и все поданные Египта вознесут тебе хвалу за мудрость и проницательность. Если ты поступишь милосердно, то это будет настоящее чудо, которое могут творить только боги. И все скажут, что в этом дворце правит бог.

С мольбой смотрела Мермуфис на фараона, Моисей тихо спал у нее на руках, невинный свет шел от лица. Рамсес медлил, словно ждал подсказки от богов. И она пришла от одного из придворных – легенда гласит, под его видом явился сам архангел Гавриил, – который сказал:

– О божественный, неужели ты велишь казнить любимца своей дочери за проступок, который он совершил по детскому недомыслию?

– Это было больше, чем недомыслие – это было знамение! – продолжал настаивать на своем Валаом.

Тогда придворный посоветовал:

– Великий царь, прикажи принести драгоценный сверкающий камень и горящие угли, и пусть положат их перед ребенком. Если он возьмет камень, значит, и корону он сорвал созна-

тельно, по умыслу. Если же схватит угли, то пойдем, что не по разумению поступил он, и пусть тогда несмышлениш живет.

И приказал тогда фараон принести слиток золота и жаровню. От блеска камня и огня жаровни Моисей проснулся, быстро схватил ручкой горящий уголь, сунул его в рот и здесь же заплакал громко и горестно, ибо обжег язычок и губы.

Засмеялся фараон, облегченно вздохнула Мермуфис, покрывая поцелуями сморщенное от слез личико ребенка.

Так был спасен будущий пророк и вождь.

И только у Валаома сверкало злобой лицо и дикой ненавистью горел единственный глаз...

Ожог оставил страшные шрамы на языке и небе Моисея. С тех пор стал Моисей косноязычен, шепелявил. Слова произносил с трудом, неуверенно и искаженно.

Глава 5. Под двойным влиянием...

И жил Моисей в доме фараона 15 лет, став статным и необычайно высоким юношей. Его рост превышал 185 сантиметров, и когда он стоял рядом с тронном фараона, последний казался карликом. Оттого смущался Рамсес, но и радость часто посещала его грубое, словно из скалы вытесанное, лицо – красивым, смелым и физически сильным рос тот, которому он намеревался передать свой трон.

Моисей жил вместе с царскими детьми, в одинаковых одежде ходил, за одним пиршествующим столом сидел. Но не чувствовал себя своим в среде надменной и спесивой египетской знати, возлюбившей богатство и возненавидевшей рабов – евреев.

– Благодарю богов, отроде Авраамово – голос знатного сановника дышал злобой, когда он перегородил дорогу Моисею в дворцовом коридоре, – что царевна считает тебя сыном своим и любит, а фараон покровительствует тебе. Иначе, клянусь Гором – жизнедателем, я бы вмиг выстегал тебя плетями и привел к послушанию, заковал в цепи раба.

Огорченный таким откровением и полыхающей ненавистью к нему египтянина, Моисей поспешил к матери – кормилице и задал ей вопрос:

– Кто такой Авраам?

– Авраам – праотец всех евреев, и тебя тоже. Знай отныне, что у тебя еврейские корни и я, Иохавед – твоя мать.

– Я догадывался об этом, – взволнованно ответил Моисей, – ибо похож на тебя лицом и понимаю язык евреев – рабов. И внутри у меня постоянно живет сострадание к этим несчастным людям, которые строят величественные дворцы и пирамиды, а сами живут в скудных и смердящих хижинах, насквозь продуваемых колючими ветрами.

Иохавед положила руки на голову Моисея и произнесла торжественным голосом:

– Тебе не пристало стыдиться своих еврейских корней. Гордись тем, что ты еврей, а не египтянин. У нас есть истинный Бог, у египтян же – отвратительные идола – уродцы.

– Твой Бог, мама, отныне и мой Бог, – целуя руки Иохавед, сказал Моисей. – Я горжусь, что принадлежу к нашему несчастному народу. И что – то мне говорит, я могу сделать его счастливым...

Мермуфис хотела, чтобы Моисей был красив не только внешне, но и ум имел зрелый и обостренный, и проходил потому юноша обучение в знаменитой школе египетской мудрости, у жрецов – тайноведов. Школа располагалась недалеко от Мемфиса, в городке Бефсалис на Гесемской земле, где в далекие времена жили свободно евреи, а Иосиф был первый вельможа фараона. Египтяне почитали этот город святым местом – в нем располагался храм Ра. Смотрелся земной дом бога Солнца величественно, особый блеск ему придавали храмовые двери, выложенные мрамором и украшенные драгоценными камнями. Легенда гласила, что именно в этом храме венчался Иосиф с Асенеф, дочерью Потифера, жреца Бефсалисского.

А в древней столице египетского царства Мемфис на площади, рядом с дворцом фараона была воздвигнута статуя бога плодородия Аписа в виде быка, получившего звание «священного быка египтян». Считался этот монумент самым большим в мире.

Сверстники Моисея из знатных египетских семей, которые учились в школе мудрости, с презрением относились к евреям.

– Эти люди рождены, чтобы быть рабами египтян, – говорили они, – месить глину, обжигать кирпичи и вырубать гранитные плиты. И просто они безумные, утверждая о каком – то призрачном едином Боге; что он якобы в одиночку сотворил и землю и небо, слепил людей.

Моисей сторонился учеников, многие часы проводил в уединении с древними папирусами; чурался египетских богов, не молился им, видя в них всего лишь уродцев с человеческими телами и головами животных. Усердно изучал юноша военное искусство. Приобрел

немалые навыки в пользовании и пращом, и мечом, и луком. А его умением всадника поражались бывалые воины.

Моисей стал лучшим учеником школы мудрости, блестяще окончил ее и был призван фараоном во дворец. Обласканный египетским царем, Моисей носил дорогие, золотом отделанные одежды, разъезжал по улицам столицы на золоченной колеснице, которую везли три прекрасных белых коня. А жители города с восторгом наблюдали за роскошной баркой Моисея, когда он прогуливался по протокам Нила.

Приемная мать подарила Моисею дворец в центре столицы и множество красивых рабынь – танцовщиц, которые развлекали его плясками под звуки арф и свирелей.

И все – таки будущий вождь тянулся к своим корням, нередко поздними вечерами пробирался он в родительский дом на окраине. Там слушал рассказы о прошлом еврейского народа, печалился их горестям, делил с ними радости и учил родной язык.

Под двойным влиянием рос еврейский вождь: религиозного верования, которым он был обязан своей матери, Иохаведе, и философских идей, которым он был обязан дочери Рамзеса. Потому делался сильным в слове, деле и своей душе.

Глава 6. Моисей – полководец

Черной тучей ворвались в пределы Египта злые и подлые северные народы, прозванные эфиоплянами. Выжигая все на своем пути, превращая цветущие оазисы и богатые города в золу и пепел, кровожадные эфиопляне дошли до самого Мемфиса. Под беспощадными ударами мечей погибали тысячами не только египтяне, но и люди Израиля.

Захватчики глумились над пленными, насаживали их живыми на свои копья, вырывали глаза, отрезали языки и уши. Дикая плач стоял над всей землей египетской.

Ненасытные полчища эфиоплян дошли до пирамид и колоссального сфинкса, высеченного из Ливийских гор. Египетская армия терпела поражение за поражением, солдаты и военачальники трусливо покидали поле сражений, не оказывая сопротивления. Страх поселился в сердце фараона, днем и ночью он размышлял как остановить врага. Молчали вельможи и жрецы, хранили безмолвие и боги. Тишина и пустота поселились во дворце.

И вот среди ночи таинственный голос возвестил Рамсесу, что только один еврей может спасти Египет, но имя его названо не было.

Спешно в ночи слуга постучался в покои Фермуфис и объявил, что она срочно должна явиться к отцу.

– Твой приемный сын Моисей, – фараон начал говорить сразу, как только Фермуфис предстала перед ним, поклонившись в пояс, – он же еврей?

– Да, мой повелитель. Он еврей из колена Левита, сын Амрама и Иохаведы.

– Было мне видение, дочь моя, что только сын еврейский спасет Египет, остановит нашествие варваров. Я думаю, что знамение сошло на Моисея. Он должен стать предводителем египетской армии. Уступи своего сына нашему царству перед лицом такой беды.

Гордостью наполнилось сердце Фермуфис – не даром она спасала Моисея от верной смерти, теперь он стал последней надеждой царской династии и всех поданных империи.

– Отец, – в голосе дочери звучали одновременно и радость и тревога, – я знала, что придет тот час, когда Моисей станет спасителем страны. Потому и терпела обиды трусливой и жалкой дворцовой знати. Моя любовь к тебе, самому величайшему правителю Египта, и Моисею помогали мне выстоять в этой борьбе. Моисею исполнилось двадцать пять лет, он благородный и смелый юноша, познал многие науки, искусству воинскому выучился так, что опытные воины слушаются его. Он будет лучшим военачальником для нашей армии.

Фермуфис замолчала, переводя дыхание. Затем подняла с миндалевидным вырезом блестящие черные глаза на Рамсеса и, не отрывая взгляда от лица фараона, сказала:

– Но ты, повелитель Египта и отец мой, должен дать мне клятву, что никакой другой опасности не подвергнешь Моисея, кроме опасности сражения. А после победы воздашь ему великие почести. Таковую же клятву я возьму и с откормленных, как быки, наших жрецов.

Поняв, что Фермуфис уступила, дала согласие на назначение Моисея главным военачальником армии, Рамсес торжественно произнес:

– Клянусь верховным богом Гором, что все будет исполнено слово в слово.

Утром следующего дня Моисей был вызван к Рамсесу. Фараон сидел на золотом троне в окружении многочисленной дворцовой челяди. Рядом с ним стояла Фермуфис, по ее щекам катились слезы.

– Моисей, – заговорил фараон, – ты приглашен на совет по чрезвычайному событию. Полчища эфиоплян рвутся к Мемфису. Блистательная богиня Сехмет гневается на нас, не принимает жертвы. Стране и царской династии угрожает опасность. Египет нуждается в тебе, ты должен помочь.

– Но что я могу сделать? Я молод, неопытен. У тебя, повелитель, столько мудрых и смелых полководцев.

– Нет никаких полководцев, Моисей. Они повели себя как трусливые шакалы, побросали войско и укрылись в горах. Ты почти мой наследник. Ты постиг многие знания, преуспел в военном искусстве, отличаешься выдержкой и смелостью. И я знаю, что тебе покровительствует один из самых сильных богов. Кроме тебя некому защитить страну от врага. Мы с обратились к оракулам и предсказателям, они все в один голос сказали, что только ты способен спасти Египет. Об этом же тебя просит твоя приемная мать Фермуфис, моя дочь.

– Египет нуждается в твоей помощи, мой славный сын, – Фермуфис не скрывала своей гордости за почесть, воздаваемую Моисею. – Мой отец окажет тебе царские почести, когда ты освободишь Египет.

– Моя любимая мать, – произнес Моисей, – ты же знаешь, что меня не волнуют почести, только...

Фараон не дал закончить последние слова:

– Я... обещаю... освободить народ Израиля, – с усилием подбирая слова сказал фараон.

– Тогда я готов возглавить египетскую армию, но вряд ли египетские воины захотят подчиняться еврею.

– Это тебя не должно волновать. Властью фараона непослушные будут немедленно казнены. А теперь послушайте, что скажет моя дочь.

– Я обращаюсь к жрецам, – сурово заговорила фермуфис. – Однажды вы хотели погубить как врага Египта того человека, который был предназначен отомстить за поругание нашего отечества. Знайте теперь, ни один волос не должен упасть с его головы. И вы сейчас в этом поклянетесь перед фараоном, мною и Моисеем.

– Клянемся! – хором ответили придворные.

Таково последнее появление дочери Рамсеса в преданиях иудейских. Она является в какой-то таинственной и очаровательной прелести. Библия не сохранила нам даже ее имени. Принимая во внимание влияние, какое она имела на Рамсеса с самого начала его царствования, автор невольно вспомнил Термутис, ту дочь Рамсеса, которая твердостью характера вдохнула в своего отца мысль сделать из Египта царство мира и указала ему даже средства осуществить этот план...

Силою воображения можно вполне отождествить с ее библейской дочерью фараона, в которой тот же благородный порыв, то же постоянство в добре, тот же великодушный и гордый характер, который история приписывает Термутис.

А еще в нареченной матери Моисея рельефна женская чувствительность, которая так хорошо идет ее мужественной смелости. Благородные и высокие ее черты показывают, что женщина, пытавшаяся поработить мир египетскому владычеству, спасая и воспитывая основателя и законодателя народа Израиль, была орудием в руках Промысла, готовившего спасение целого человечества.

А может это и есть та мечта о покорении вселенной через египетское начало, которую лелеяла дочь Рамсеса?

Восемнадцатилетний Моисей энергично приступил к созданию новой армии, он призвал всех мужчин старше двадцати лет, как египтян, так и евреев и мужчин других племен. Лучшие мастера Египта оснастили армию грозными колесницами и мечами, а портные сшили удобную военную форму. По приказу фараона из неприкосновенных запасов были выделены зерно, рыба и мясо.

Чтобы обучить неопытных людей военному делу, требовалось время.

– Ты медлишь, Моисей, – мрачно говорил фараон. – Враг скоро дойдет до Раамсеса и уничтожит наше царство. Неужели для того я построил новую столицу, чтобы отдать ее эфиоплянам? А жрецы понапрасну приносили жертвы Амону и Сехмет?

– Мне нужна еще неделя, – твердо заявил полководец. – Я обучу за это время бойцов владению оружием, и они разобьют врага. А чтобы эфиопляне не дошли до Мемфиса и Раамсеса,

я вышлю им навстречу шесть сотен боевых колесниц, которые задержат неприятеля. Через неделю мы сможем дать ему решительный бой под стенами Мемфиса.

Моисей проводил все время в армии, ни на минуту не давая воинам расслабиться, показывая личным примером стойкость духа и физическую выносливость. И ровно через семь дней навстречу полчищам врага выступила хорошо организованная и обученная военным приемам армия в двести тысяч человек.

А перед походом Моисей принял решение, которое вызвало панику среди военачальников, – Моисей сам обошел войско и отправил домой грешных, боязливых и трусливых.

– Никогда такого не бывало, – сказали командиры. – Если мы отправим домой этих людей, в нашей армии будет вполтину меньше воинов, чем теперь. И нам тогда не победит!

– Грешники и боязливые сделают робкими сердца остальных воинов, – ответил им Моисей. – Вот тогда нам точно не одержать победы!

Армия Моисея следовала к Мемфису не водным, а сухопутным путем, тем самым усыпив бдительность врага, который считал такой маршрут непроходимым. Дело было в том, что в этих местах во множестве водились безобразные ядовитые змеи, а некоторые из них даже летали по воздуху. Укус таких змей был смертелен для человека.

Вот здесь и пригодились знания, полученные Моисеем в жреческой школе мудрецов. Он воспользовался природной ловушкой для гадких тварей: повелел в камышовые корзины поместить длинноногих ибисов, которые были грозой змей. Как только армия дошла до местности, кишасей гадами, ибисов выпустили из корзин, и они принялись поражать их. Путь был расчищен, по нему беспрепятственно прошло войско, а следом обозы, груженные водой и провиантом. Враг не ожидал нападения с этой стороны, проводил время в праздности, пьянстве и разврате.

Вернулись из разведки лазутчики, высланные ранее Моисеем. Они донесли, что эфиопляне многочисленны, хорошо вооружены, крупные ростом и быстро передвигаются на верблюдах. Во время боя они издают дикие крики, приводящие в смятение воинов врага; они бесстрашны, выносливы и хорошо владеют оружием.

Сражение Моисей назначил наутро, а ночью собрал в своем походном шатре командиров.

– Мои воины, – его голос звучал твердо, без страха и волнения. – Мои самые лучшие воины. От вас зависит судьба Египта и жизнь наших семей. У нас восемь египетских дивизий и две еврейских. Я не провожу различия между теми и другими. Сегодня все вы – братья, породнила нас общая беда! Вы храбры как никогда, и я верю в вашу стойкость! Но должны вы иметь в виду, что позади ваших отрядов будут идти отборные воины, которые покажут трусливых и малодушных – им перебьют голени.

И еще одну проницательную мысль осуществил Моисей: он собрал отдельно от египетских еврейских командиров и приказал им тайно от египтян подбирать трофейное оружие на поле боя:

– Знайте, недалек тот день, когда оно нам пригодится. Как только мы разобьем эфиоплян, пусть ваши надежные люди, взяв это оружие, не дожидаясь египтян, отправятся в Гесем. Войти в землю евреев они должны ночью, чтобы не навлечь на себя подозрений, и спрятать прочно трофеи.

Командиры согласно кивнули головами. И тогда Моисей произнес:

– Поклянись, что сбережете эту тайну, и воспользуетесь оружием только по моему приказу.

– Клянемся! – прозвучал в звездной ночи ответ еврейских военачальников.

Глава 7. Моисей, отбивший эфиоплян

Ранним утром на восточном краю неба появилась светлая ладья, несущая воинам Моисея бога света Ра. Разом взревели сотни труб египтян, возвестив опешившим эфиоплянам о начавшейся битве под Мемфисом.

Мгновенно вступила в бой дивизия конных еврейских лучников. Они злым пустынным вихрем пронесли по стану завоевателей, поражая острыми стрелами полусонных эфиоплян. Последние еще не успели прийти в себя, как лучники скрылись обратно без потерь, загородившись пыльной тьмой, поднятой огненными конями наступавших.

Следом, как только улеглась пыль, в сражение вступили отборные египетские боевые колесницы, сверкающие на солнце золотом и серебром. Лучники, стоя в колесницах, осыпали противника тысячами стрел. Однако эфиопляне к тому времени пришли в себя, организовались и с дикими воплями кинулись на египтян.

И пошла непомерная сечь, сверкали мечи, разносились громкие стоны умирающих и воинственные кличи командиров.

Если можно было представить конец света, то он и выглядел как эта смертельная битва.

Эфиопляне на высоких верблюдах, непрерывно бросая копья с ядовитым жалом на конце, вклились в строй египтян. Возникла паника.

Воины Моисея, побросав мечи и луки, беспорядочно побежали. Эфиопляне догоняли отступающих воинов Рамсеса и разили их безостановочно мечами.

Эфиопляне уже ликовали. Им казалось, что победа близка. Но как они заблуждались! Впереди их ждал коварный план Моисея.

На завоевателей двинулись три свежих египетских отряда метателей копий.

– Надо сделать схватку затяжной, – приказал Моисей командирам, – заставить эфиоплян ввязаться в рукопашную, и тогда победа будет за нами!

Вид хорошо вооруженных и идущих сомкнутыми рядами бойцов привел захватчиков в растерянность. Битва превратилась в драку обезумевших людей, неистово убивающих друг друга любой ценой и любым оружием – мечом, копьем, щитом, зубами, руками.

Воины Моисея грызли кочевников зубами, рвали им кадыки и выдавливали глаза. Вопли убиваемых доносились до самого неба.

И когда казалось, что не будет конца смертоубийству, из засады вылетела легкая конница израильтян. Она мчалась быстрее ветра, пыль под ногами диких коней застлала горизонт. Казалось, пришла глубокая ночь, ибо так темно вмиг стало. Во главе атакующих – Моисей. Яростный, как сам бог Мафдет, жестокая расправляющийся с врагами Ра.

Конница налетела на эфиоплян сзади и обратила их в бегство. Они бежали, падали и умирали на чужой земле, проклиная тот день, когда вошли в границы Египта.

Камень из вражьей пращи влетел Моисею в рот, когда он громогласным кличем подбадривал воинов. Камень повредил зубы, проскользнул в желудок и – о чудо! – отважный воин остался жить.

Египтяне и евреи день и ночь преследовали остатки вражеской армии, перейдя пределы Эфиопии. И вот они добрались до главного города Саву. Величественный и роскошный, он был окружен высокими прочными стенами, с одной стороны его обтекал Нил, с другой – реки Астап и Аставор.

Город казался неприступным.

Армия Моисея переправилась через Нил и остановилась у крепостных стен. По приказу Моисея по всему становищу войска разожгли высокие костры. Языки пламени вырывались в ночное небо, казалось, что вся земля превратилась в огненное чрево, а днем густой дым застилал весь край неба, повергая осажденных в ужас.

Однако осада города затягивалась, Моисей нервничал, воины роптали – они устали от долгого похода, их сердца рвались к семьям.

И вот Небесный Промысел снова привел Моисея к удаче.

Однажды с высоты стен его заметила Тарбис, дочь царя эфиопского. Она уже была наслышана о необычном мужестве военачальника египтян, а ее тяготение к воинской славе было в крови всего их племени. Тарбис полюбила молодого командира вражеской армии, вспылала к нему горячей страстью и потребовала от отца чтобы тот соединил ее браком с Моисеем.

Царь эфиопский уже и сам подумывал о сдаче крепости, а здесь дочь нашла ему средство как избежать такого позора.

Вождь египетской армии принял протягивающую ему руку царя и любовь Тарбис, поставив условием сдачу крепости.

Царь согласился и эфиопская царевна вышла замуж за сына Израиля. И после пышной свадьбы в царском дворце, не допустив грабежей и убийств, торжествующий Моисей привел в Египет войска Рамсеса.

Моисей доказал египтянам свою доблесть, а равно и то, что он родился для унижения Египта и возвышения Израиля.

Народ Египта славил освободителя Моисея, а на торжественных пирах во дворце фараон обещал:

– Я освобожу евреев. Ни один еврей не будет больше рабом. Моисей и еврейские воины спасли девятнадцатую династию египетских царей, и отныне они станут такими же свободными, как и мы!

Глава 8. Бегство Моисея

Однако, Рамсес, вместо благодарности, еще более возненавидел Моисея, потому завидовал его военным удачам; потому что жрец Валаом в своем волхвовании пророчествовал, что Моисей вскоре наведет бедствия на Египет, свергнет властителя и настойчиво советовал фараону убить его. Под влиянием их внушений, Рамсес действительно замыслил убить Моисея, но не приступал к этому тотчас же, не желая оскорбить свою дочь, которой он дал клятву. Рамсес надеялся найти за Моисеем какую-либо вину или дожидаться более удобного времени.

Тем временем фараон назначил Моисея наместником сразу нескольких провинций страны, включая провинцию Гесем.

Изо дня в день Моисей объезжал вверенную ему провинцию Гесем и, стиснув зубы, смотрел на страдания своего народа. В один из таких дней, в легкой колеснице, без всякой свиты молодой наместник направлялся к дому своих родителей Амрама и Иохевед, как вдруг дорогу ему перебежал окровавленный еврей, за которым гнался надсмотрщик-египтянин, человек огромного роста с бичом из крокодиловой кожи. Пробежав еще несколько метров, еврей упал, и подоспевший надсмотрщик начал добивать его бичом.

Зрелище избиваемого бичом лежащего на земле беззащитного еврея заставило Моисея вздрогнуть – он вдруг и, возможно, далеко не в первый раз понял, что сложись его судьба чуть по-другому, и он вполне мог бы оказаться на месте этого еврея. И вслед за острым чувством жалости его захлестнул гнев.

– Именем фараона! – крикнул Моисей, спрыгивая с колесницы. – Именем фараона приказываю тебе остановиться.

Египтянин оглянулся. Но, увидев перед собой одинокого юнца без всяких знаков власти, только усмехнулся и продолжал наносить страшные удары. Еврейский юноша уже не стонал, а только хрипел. Моисей выхватил из колесницы плетень с металлическими кольцами на конце, но египетский стольник опередил Моисея, первым занес меч над его головой, но в этот момент невидимая сила вырвала меч из рук египтянина – по легенде послал Бог архангела своего, Михаила, – и Моисей одним мощным ударом переломил надсмотрщику позвоночник. Тот умер без промедления.

Коротким мечом, который был при нем, Моисей закопал труп в песке. Когда он подошел к тому месту, где остался лежать избитый еврей, то увидел, что Датан – так звали раба – успел скрыться. Однако значения этому не придал...

Не ведал тогда будущий вождь израильтян, что надсмотрщик Ханефрей получил от фараона приказ убить его, и нарочно сделал все, чтобы вывести Моисея из себя, затеяв избивание раба.

На следующий день Моисей увидев двух ссорящихся евреев, сказал тому, кто начал ссору:

– Зачем ты бьешь ближнего своего?

Тот, обернувшись, процедил с непередаваемо злобным выражением:

– Кто поставил тебя начальником и судьей над нами? Не думаешь ли убить и меня, как убил вчера египтянина?

Моисей, услышав это, сказал себе:

– Вероятно, все узнали об этом деле.

Много еще раз услышит пророк от своих сородичей этот издевательский вопрос: «Кто поставил тебя начальником и судьей над нами?»

С этой минуты Моисей начинает осознавать всю опасность ситуации, в которой он оказался. Согласно законам Египта, убийство государственного служащего считалось одним из самых тяжких преступлений, и за это полагалась смерть. Конечно, приемная мать Моисея

заступилась бы за своего любимца, но во дворце фараона у него было немало недоброжелателей, которые наверняка стали бы настаивать на том, что закон должен быть один для всех.

Если поначалу Моисей еще рассчитывал, что убийство египтянина удастся сохранить в тайне, то теперь ему стало ясно, что Датан уже разболтал о случившемся, и донес фараону.

Так все и оказалось.

Известие о случившемся привело фараона в ярость, и он велел немедленно схватить и казнить Моисея.

Верные друзья успели предупредить Моисея, что за ним послали дворцовую стражу.

– Беги немедленно! Стража мчится за тобой!

И в тот самый день, когда Рамсес издал указ об аресте, Моисей бежал из Египта на колеснице. Причем бежал не на восток, в Мадиям, как это вроде бы следует из текста Библии, а на юг – в Куш (Эфиопию), страну сарацинов, за сорок дней пути от пределов египетских.

Глава 9. Моисей: беглец и царь

Сильный и независимый Куш постоянно находился в состоянии войны с Египтом, а потому представлял собой вполне надежное убежище для беглеца, вчерашнего наследника трона.

Моисей прибыл в Куш в те самые дни когда царь этой страны Кукинос вернулся из дальнего похода и обнаружил, что власть в его столице захватила вероломная жреческая каста во главе с Валаомом. К тому времени Валаом бежал из Египта, обвиненный Рамсесом в измене.

– Немедленно откройте ворота царю, – кричал Кукинос, – иначе вас всех ждет немилосердная участь.

– Ты не царь, а жалкое семя трусливого народа, – бешено кричал с высоких стен злобный жрец Валаом, – он отвернулся от тебя, как убегают от безобразной пустынной змеи. И пусть шакалы дождутся, когда ты сдохнешь голодной смертью.

Злорадно смеялись другие жрецы, ранее лестью царю скрывающие свои грязные намерения: дорваться до власти, золота и набивать, набивать им свои тайные схроны.

– Тебе не пробить наши ворота, – насмехались они над царем. – Мы укрепили их телами твоих придворных вельмож.

Несколько раз бросал Кукинос свою армию на приступ, но каждый раз мятежники заставляли откатываться ее назад.

Юный Моисей, вступивший в ряды армии Куша, также принял участие в этих попытках взять город, и на высокого, храброго воина мгновенно обратили внимание. Царь вызвал его к себе в шатер и спросил:

– Кто ты и откуда ты?

– Я Моисей, приемный сын Фермуфис, египетской принцессы.

– Почему ты прибыл в мою страну?

– Фараон хотел казнить меня.

– За что?

– Я еврей. Я убил египетского надсмотрщика, который издевался над моим сородичем.

– Ты храбро ведешь в бою, искусно владеешь мечом и копьем. Мне нужны такие воины. Оставайся в моей свите. Надеюсь на твой ум и смелость, возможно ты принесешь мне удачу.

Так Моисей стал принимать участие в военных советах. И, как выяснилось, проницательным оказался Кукинос, оставив знатного беглеца при себе.

Задача, которую нужно было решить царю для возвращения власти, была не из легких.

С двух сторон город окружали ровные, высокие стены, взобраться на которые было невозможно – это показали предыдущие попытки штурма.

С третьей стороны город окружал широкий водяной ров. Кукинос уже пробовал посадить несколько отрядов своих воинов на плоты, чтобы они преодолели ров, однако защитники встретили их градом стрел, и все бывшие на плотях воины погибли.

С четвертой стороны перед стеной города тянулась пустынная местность, кишевшая ядовитыми змеями. Кукинос пытался прорваться в свою столицу и с этой стороны, однако после того как от змеиных укусов погибли сто семьдесят воинов, решил отказаться от этой идеи.

К удаче заговорщиков, пришел в пустыню «пятидесятник» – резкий порывистый ветер дул все пятьдесят дней, заваливая песчаными холмами воинов и лошадей. Казалось, пустыня превратилась в крошечный мрачный ад, откуда доносились ледянящее сердца воинов шипенье гадюк. Только безумец мог рискнуть идти тем путем.

Этим и решил воспользоваться Моисей, понимая, что Валаом и его сторонники меньше всего ждут удара именно с этой стороны. Он попросил царя собрать военный совет, и изложил на нем свой военный план.

– Подлый предатель Валаом, – сказал Моисей, – которого ты, могущественный царь, пригрел у себя на груди, оказался ядовитой змеей. Начал жалить тебя и твоих поданных. Но в природе на этих гадов есть управитель – птицы ибисы и аисты. Они не только не боятся этих тварей, но и охотно употребляют их в пищу. Вот этих охотников за гадами я и предлагаю использовать при прохождении пустыни. Нечестивцы не ждут нас отсюда.

Кукинос внимательно посмотрел на своих военачальников. Каждый из них одобрил план Моисея

– Я и мой военный совет, – заговорил Кукинос, – довольны твоими смелыми мыслями. Действуй. Готовь армию к походу. Назначаю тебя главнокомандующим.

Получив от царя разрешение действовать, Моисей велел поймать как можно больше аистов и ибисов и запретил их кормить чем-либо в течение двух дней.

На третий день Моисей приказал каждому воину взять в одну руку меч, а в другую – птицу и повел армию Куша в обход города. Когда солдаты приблизились к «змеиному полю», Моисей приказал отпустить птиц. Голодные пернатые набросились на змей, уничтожили их, и армия беспрепятственно, соблюдая полнейшую тишину, двинулась дальше и под покровом песчаной пелены ворвалась в город. Застигнутые врасплох мятежники не оказали сильного сопротивления. Всего за часов несколько город был освобожден от них, Кукинос вернулся в свой дворец. Но взять в плен и казнить Валаама не смогли – тот вместе с сыновьями успел бежать из города.

Восторженные толпы освобожденных жителей города кричали: «Моисей победитель. Слава Моисею». Так недавний паломник, лишенный всех прав и всего имущества, нищий и неприкаянный, стал всеобщим любимцем Куша.

На торжественном пиру во дворце царь Кукинос торжественно сказал;

– Мы выиграли сражение и освободили страну от захватчиков потому что были смелые и мужественные. А еще и потому, что армию вел в бой талантливый полководец Моисей. Я хочу наградить его, выдать замуж свою любимую дочь.

Юная прелестная принцесса Фарбис не сводила со статного высокого Моисея влюбленного взгляда. И когда отец произнес вслух ее тайные пожелания, зарделась, спрятала счастливое лицо под накидкой.

– Для меня эта высокая честь, – поклонившись царю в пояс, сказал Моисей, – стать зятем столь могущественного властелина и такой прекрасной принцессы.

Так Моисей породнился с самым грозным повелителем северного народа – эфиоплянов.

1366 год до н. э. Кукинос скончался, и двадцатисемилетний Моисей стал царем Куша. Ровно сорок лет он правил этим могущественным африканским государством, проявив себя за эти годы как мудрый и справедливый царь. И все это время царица Куша надеялась, что у нее появится наследник. Но время шло, она старела, а законный наследник или наследница не рождались. И тогда царица, спасая свою женскую репутацию и династическую кровь, во всем решила обвинить Моисея

Царица велела собрать во дворце представителей всех сословий и на этом народном собрании и коварно объявила:

– Мой муж Моисей не спит со мной. Я провожу ночи одна в холодной постели, он не приходит ко мне разделить супружеское ложе, тем самым презирает богов Куша и не служит им.

После того как Фарбис произнесла это обвинение, во дворце повисло тяжелое молчание. Продолжение царского рода считалось в Куше священной обязанностью царя, за уклонение от которой полагалось не только низложение с престола, но и смертная казнь. Но народное собрание Куша не захотело платить Моисею черной неблагодарностью за все добро, которое сделал для страны за годы своего царствования.

Выступил главный жрец Куша и сказал:

– Моисей, наш народ помнить о твоём подвиге, твоих справедливых делах. Мы не будем казнить тебя, возьмем гнев богов на себя. Но ты должен покинуть пределы Куша и никогда не возвращаться в нашу страну

Так в 67 лет он снова вынужден был стать скитальцем и, перейдя с одной котомкой и бурдюком с водой границу Куша, направился в Мадиям в надежде найти в этой стране хоть какое-то пристанище.

Глава 10. Моисей в стране Мадиямской

Моисей точно знал, куда именно он бежит – в храм, который находился по ту сторону Красного моря и Синайского полуострова, в стране Мадиямской, в «земле восточной». Защищенная между пустыней и Красным морем, защищенная вулканическим гребнем, эта уединенная местность была в безопасности от вторжения египетских воинов.

Первосвященником храма, или Рагуилом, и был Иофор. Он принадлежал к наиболее чистому типу древней эфиопской расы, которая за четыре или пять тысяч лет до Рамзеса господствовала над Египтом... Иофор был большим мудрецом. Он владел сокровищами знания, накопленными в его памяти и вырезанными на камне в Мадиямском храме...

Жажда обретения истинной веры сжигала его на протяжении всей жизни, и в поисках ее он побывал в вавилонских, ханаанских и египетских храмах. Иофор даже достиг высокого положения среди египетского жречества и вошел в число ближайших советников фараона. Однако жизнь при дворе непредсказуема и, попав в немилость к фараону, Иофор, как в свое время Валаам, вынужден был бежать из Египта в страну свободных кочевников, – Мадиям. Здесь он был принят с огромным почетом и вскоре стал первосвященником в главном храме Мадиама.

Ощущая всю ложь и фальшь язычества, Иофор в конце концов отказался вести службы в мадиямском храме. Этот его шаг вызвал взрыв ненависти и озлобления у мадианитян, решивших в ответ подвергнуть Иофора остракизму.

Отныне никто из мадианитян не должен был с ним общаться; с ним запрещено было родниться; более того – к нему было запрещено наниматься в пастухи, и ему не оставалось ничего другого, как послать пасти скот своих семерых дочерей. При этом местные скотоводы чинили им всяческие препятствия, и у колодца – главного центра жизни в пустыне – бедные девушки вынуждены были ждать, когда все пастухи закончат поить свои стада, и только после этого они могли подвести к водопою своих овец, так что возвращаться домой им зачастую приходилось затемно.

Странствуя по Мадияму в поисках храма и Иофора, Моисей питался дикими яблонями, чесноком и рыбой; пил воды у редких в тех краях колодцах.

И вот однажды в полдень, когда солнце нещадно опаляло пустыню, беглец прилег у одного колодца.

В это время к колодцу подошла стайка молоденьких девушек – пастухов, дочерей Иофора. Они решили прийти к источнику пораньше и напоить овец прежде, чем вернуться с пастбища пастухи. Девушки были хороши собой, беззаботно смеялись и бросали застенчивые взгляды на статного красивого странника.

Делая вид, что не обращают внимания на Моисея, девушки стали черпать воду и наполнять ею корыта. Моисей откровенно любовался красавицами. Особенно одной из них: она была прелестная, черноволоса, с большими карими глазами.

Вдруг послышались пьяные голоса. Это мадиямские пастухи гнали к водопою свои стада.

– Эй, дрянные дочери Иофора! – кричали они. – Ну – ка, быстро уступите нам место.

– Но мы пришли раньше, – лепетали испуганные девушки, – и по праву мы можем первыми напоить своих овец.

– Вы дочери безбожника Рагуила – хохотали пастухи, – проклятого в нашем народе. Убирайтесь – ка поскорей, а то мы порежем всех ваших ягнят, а вас самих бросим в пропасть на съедение шакалам.

– Но наш отец, священник Иофор, заступится за нас.

– Вашего отца не боятся даже дети, а мы, такие сильные и смелые, тем более. Нам никто не помешает. Так что, красавицы, гоните ваши стада, пока вы целы, и мы еще не разозлились.

Услышал этот разговор Моисей, подивился наглости пастухов, которые не только грубо оскорбляли беззащитных девушек, но и угрожали им смертью.

Стремительно поднялся Моисей с земли, расправил широкие плечи и сильной поступью воина подошел к пастухам. Увидев грозную могучую фигуру Моисея, пастухи невольно втянули головы в плечи и притихли, как будто и набрали воды в рот.

– Вы сейчас же уступите место девушкам, – твердым, не терпящим возражения, голосом произнес он, – ибо девушкам всегда нам оказывать почет, да они и опередили вас у колодца. Вы можете напоить свою отару только после того, как это сделают они.

– Ты кто такой, чтобы указывать нам, – придя в себя, издевательски сказал один из пастухов. – мы не будем тебя слушать. Ты ведешь себя дерзко, но, посмотри, сила на нашей стороне: ты один, а нас – много. Уходи, пока не пожалел, что схватился с нами.

– Вы поступаете несправедливо, – ответил Моисей, пристально глядя в глаза обидчика. – Уйдите с миром, пока я не сделал вас посмешищем в глазах девушек, прогнав силой.

Услышав такие слова, пастухи пришли в негодование, обступили Моисея со всех сторон, начали выкрикивать угрозы, размахивая посохами, на которые до этого лишь опирались.

– Они дочери нечестивца Рагуила, и они должны нам уступить!

– Мы отрубим тебе голову и убьем этих девчонок!

– Захотим – лишим этих красавиц невинности, и пусть тогда Иофор попробует выдать их замуж.

– Убирайся отсюда, странник, подбру – поздорову, а то останешься лежать мертвым в этих песках. И тело твое бездыханное будут клевать стервятники.

Пастухи кричали все громче, подбадривая друг друга. Моисей чувствовал, как его окутывает облако ненависти к этим разнузданным негодьям. Он не мог знать истинных причин столь грубого поведения пастухов, но при виде этой сцены в нем заговорило природное чувство справедливости.

Он негодуяюще поднял над головой посох и замахнулся им на пастухов:

– Прочь, дрянное отребье, пока я не свернул вам шеи!

– Постой, постой, незнакомец, – уж не так уверенно проговорил главный задира, – ты должен знать: мы всегда поили свои стада прежде дочерей Иофора, даже если они и раньше приходили к колодцу.

– А теперь стада этих женщин напьются первыми. Так хочет мой Бог, а, значит, так и я советую вам ждать своей очереди!

– Однако ты слишком самоуверен, – сказал один пастух, – но слушать тебя не станем, сколь бы ты не уповал на своего Бога...

И пастухи при помощи посохов стали отгонять стадо Иофора от желобов с водой.

Искусный воин Моисей молниеносно схватил крепкой хваткой самого задиристого пастуха, легко, как песчаную крупинку, поднял его в воздух и отбросил далеко в сторону. С диким стоном пастух рухнул на землю и потерял сознание. В ужасе попятнулись от Моисея соплеменники поверженного, увидев, какой силой обладает странник. Они решили не связываться с могучим, как скала, великаном

– Твоя правда, – испуганно сказали Моисею остальные пастухи, – пусть дочери уважаемого священника Иофора первыми напоят свое стадо. Только ты не трогай нас!

Кое – как поднялся подбитый пастух, потирая ушибленную спину, и заковылял прочь, не обращая внимания на своих товарищей.

– Постой, куда же? – кричали ему. Ты ведь еще не напоил стадо?

Когда осела пыль, поднятая уходящими стадами наказанных пастухов, самая красивая девушка спросила у Моисея:

– Как тебя зовут, чужеземец?

– Я Моисей, шел из Египта.

– Почему ты идешь из Египта?

– Я устроил самосуд на египтянином, убил его, когда он избивал раба. И фараон проявил гнев, приказал казнить меня.

Моисей промолчал, что он еврей и что он убил именно египтянина, который избивал сына Израиля – из опасения, что в Мадиаме не принимают евреев.

– Мой отец Рагуил добрый и справедливый человек. Он очень любит меня и моих сестер. А ты помог нам, и потому найдешь в нашем доме безопасное убежище. Я приглашаю тебя стать гостем нашего очага.

– Как тебя зовут?

– Отец назвал меня Сепфорой.

– У вас, на Востоке, Сепфора, хорошие законы гостеприимства: я пойду за тобой к твоему отцу, ибо я нуждаюсь в пище, ночлеге и совете.

Дочери Рагуила повели Моисея в дом своего отца. Девушки были рады оказать знаки внимания своему спасителю. Они внимательно, с искренней доверчивостью слушали его рассказы о Египте, роскоши дворцов фараона и почти сказочных планах прорыть канал из Нила в Черное море.

Воодушевленный ласковыми взглядами девушек, но больше всего – Сепфоры, Моисей за разговорами и не заметил, как приблизились к дому Иофора. Войдя вовнутрь, выждав, пока глаза после яркого дневного света привыкнут к полутьме, Моисей оглядел внутреннее убранство.

Это отнюдь не был дом богатого египетского вельможи или обладавшего безграничной властью жреца. Пол центральной комнаты глинобитного домика был покрыт соломой, а место для еды было окружено залатанными подушечками. Сам Иофор сидел в углу на потертой соломенной циновке, погружившись с головой в чтение египетского пергамента.

– Что случилось? Почему вы сегодня вернулись так рано? – не поднимая глаз, спросил Иофор.

– Вот этот египтянин помог нам сегодня, и мы смогли напоить овец вовремя, – ответила старшая дочь.

– Отец, – наперебой заговорили остальные сестры, – этот человек спас нас от недобрых пастухов, которые хотели не допустить наш скот к водопою. Он сильной рукой отбросил одного злоумышленника от желоба с водой, и тот отлетел на пятьдесят локтей! . . . Остальные задрожали и трусливо скрылись в пустыне.

– Защитник моих любимых дочерей пусть будет мне как сын, – растроганно молвил старый священник. – Садись за мой стол, поужинай за чашей доброго вина.

Не предвидел тогда Моисей, что его отказ немедленно возразить словам старшей дочери заявить, что он – еврей, стал одним из грехов, за которые он был лишен права войти в землю, обещанную Богом народу Израиль.

Из разговора с Рагуилом Моисей узнал, что страна Мадиама простирается зеленой лентой между Эламским заливом и Аравийской пустыней, располагается на гористом полуострове Синай, холмы которого поражают причудливыми очертаниями и известковой белизной.

Южный конец полуострова наполнен красными и серыми горами и остроконечными скалами из порфира и гранита.

И равнины, и холмы, и горы Синай усыпаны пеплом погасших вулканов и обломками скал, словно их нарочно разбил гигантским молотком исполин.

Беседа за трапезой закончилась далеко за полночь. Рагуиль пожелал Моисею спокойной ночи, а наутро сказал:

– Ты мне понравился, Моисей. Оставайся в моем стане, будешь помогать пасти стада и защищать, в случае опасности, моих дочерей.

– Благодарю за доверие, добрый Иофор, – низко поклонился Моисей священнику. – Ты никогда не будешь раскаиваться, что поверил мне и дал прибежище.

Вскоре Моисей получил разрешение Рагуила жениться на его любимой дочери, красавице Сепфоре.

А вот как этот эпизод изложен в еврейской фольклорной традиции...

«И послал за ним Рагуил и позвал его в дом свой. Он разделил с ним хлеб, и рассказал ему Моисей, как бежал из Египта и как царствовал у сарацин, и как отняли у него царство и отпустили его. И когда услышал рассказ его Рагуил, то воскликнул в сердце своем: «Посажу-ка я его в темницу и тем ужогу сарацинам. Ведь это беглец». И вот схватили Моисея и посадили в темницу, и находился он в темнице 10 лет.

Но сжалилась над ним Симфора, дочь Рагуила, она кормила его хлебом и водою. И когда кончались 10 лет, сказала Симфора отцу своему: «Этот еврей, которого ты посадил в темницу, уже десятый год там, и никто не ищет его и не спрашивает о нем. Если это угодно очам твоим, отец мой, следует послать посмотреть, жив ли муж тот или умер».

Отец же ее не знал, что она кормила его. И сказал Рагуил: «Не видел никогда на свете, чтобы человек, сидящий в темнице десять лет без хлеба и воды, был жив». И ответила Симфора отцу своему: «Разве ты не слышал, отец мой, что Бог еврейский велик и грозен и всегда удивляет чудесами? Не он ли избавил Авраама от печи халдейской, Исаака от меча, Иакова от руки ангела, когда боролся с ним на переправе? И ведь Бог мужу сему чудес много сотворил: освободил его от египтян, и от меча Фараона, и еще может его избавить». И были приятны эти слова Рагуилу.

И сделал он так, как сказала дочь его: послал к темнице узнать, что случилось с Моисеем. И увидели, что он молится Богу своих отцов. И выпустили его из темницы, остригли его, сменили ему одежды тюремные, и ел Моисей хлеб с Рагуилом.

И пришел Моисей в сад к Рагуилу, что был позади дворца его, и молился Богу своему, который сотворил чудеса и освободил его из темницы той. Когда он молился, поднял глаза свои и увидел, что посреди сада воткнута палица. И подошел к палице, а было на ней написано имя Господа Бога Саваофа.

И подойдя, выдернул ее, и оказалось, что в его руках палица трестата, которою сотворены чудеса Божий, когда Он создал небо и землю и все, что в них, море и реки, и всю рыбу их. И когда изгнал Он Адама из райского сада, взял Адам ту палицу с собой в руки. И перешла та палица от Адама к Ною, Ной же передал ее Симу и его потомству и так, пока не дошла палица до рук Авраама. Авраам же дал ее Исааку, а Исаак дал ее Иакову. Иаков же, когда бежал в пределы арамейские, палицу ту взял с собой. Он же ее дал Иосифу, наследием минуя братьев.

И когда после смерти Иосифа египтяне разорили дом Иосифа, оказалась палица эта у Рагуила, и тот посадил ее посреди сада. И хотели овладеть ею все богатыри, которые стремились получить дочь его (в жены), и не могли этого до тех пор, пока не пришел Моисей: кому суждена была, тот ее и вытащил. И случилось так, что увидел Рагуил палицу в руках Моисея и удивился. И отдал он ему дочь свою Симфору в жены.

Моисей же прожил 70 и 6 лет, когда он вышел из темницы и взял Симфору мадиамлянку себе в жены».

Глава 11. Первая встреча с Богом

Став мужем Сепфоры, Моисей, с присущей ему энергией и усердием, быстро освоил язык и обычаи Мадиямской земли, населенной семитским народом. Когда – то он привык к роскоши дворцовой жизни, богатой одежде, праздничным пирам и обильным яствам, а здесь – незатейливое убранство скромного жилища, труд пастуха огромного стада от зари до зари, непривычная пища отшельника, каковыми были все пастыри овец.

И пришлось все это ему по нраву.

Год шел за годом, постепенно пришла спокойная старость. Один день походил на другой, и Моисей почти забыл о годах, проведенных в Египте.

Он пас стада своего тестя на просторах Мадиама и при этом был вполне доволен своей жизнью. Познавший в свое время сладость богатства и власти, он вдруг сердцем прочувствовал, что только жизнь пастуха исполнена подлинной свободой.

Царь или вельможа обременен постоянными муками о нуждах государства и плетущихся вокруг него заговорах и интригах.

Земледелец во время сева и уборки урожая не поднимает глаза от земли и ничего не видит, кроме ее черных комьев, а тяжесть сохи лишает его здоровья.

У пастуха же есть и время осознать непостижимость и загадочность мироздания, и время для того, чтобы поднять голову и посмотреть на звезды, а значит – и задуматься над вечными вопросами бытия. О чем размышлял Моисей, лежа ночами на пастбище и пристально вглядываясь в далекое небо? Может о том, что чем больше смотришь в ночное небо, тем больше видишь звезд?

Его возраст подбирался уже к восьмидесяти годам и, пожалуй, единственное, чего он желал – это тихо и спокойно дожить оставшиеся годы. Но именно в это время пробил час исполнения его миссии...

Наступил 1317 до н. э. Умер фараон Рамсес II, на трон воссел его сын Мернептах, шел Моисею тогда 76 год.

И застонали сыны Израиля от работы и возопили, ибо приход к власти нового фараона усилил гнет над евреями. Им были увеличены нормы выработки по укладке и изготовлению кирпичей; на строительные работы выводили не только мужчин, но и женщин и детей; если евреи не делали в течение дня положенного количества кирпичей, египтяне вместо недостающих кирпичей замуровывали в стены еврейских детей.

Затем, когда фараон заболел проказой, его лекари посоветовали ему принимать ванны из крови еврейских детей. И тогда по приказу фараона ежедневно начали убивать по 300 детей: 150 – для утренней ванны фараона и 150 – для вечерней. И именно после этого кровавого указа, как утверждает легенда, евреи вспомнили о Боге и завопили к Нему так, что Он решил услышать и положить конец затянувшемуся на 400 лет рабству.

Не тяготы непосильного физического труда заставляли сынов Израиля страдать: они были достаточно сильны, многое могли вынести. Их стоны были вызваны тем, что они поняли: им суждено вечное рабство. Некий рок навечно приговорил евреев к рабству в результате смерти прежнего царя Рамсеса.

Однако Всесильный решил, что пришло время нарушить естественный ход событий, и Он применил те методы творения истории, которые в глазах людей выглядят как чудо...

И вот однажды Моисей, как обычно, пас стада в Синайской пустыне. Однако вдруг иссяк источник воды на прежнем месте, и в поисках нового водопоя он начал перегонять стадо все дальше и выше на холмы, все больше и больше удаляясь от домашнего стана.

Так он странствовал по пустыне в одиночестве сорок дней в поисках пастбища и воды. И ни сам Моисей, ни его овцы ничего не ели и не пили – и это было несомненное чудо, при-

званное дать Моисею понять, что он может водить евреев по пустыне в течение сорока лет. Это сорокадневное странствование по пустыне в полном одиночестве стало условием грядущего разговора Моисея с Богом и получения им пророческой миссии

На сороковой день отшельничества в Синайской пустыне, Моисей подошел к горному массиву Хорив, имел он величественный вид, обнаженный и дикий; на нем одиноко возвышалась между Египтом и Аравией гора Синай.

У горы Синай один ягненок неожиданно отбился от стада и побежал вверх по ее склону. Моисей который с рвением заботился о каждом животном, бросился за ягненком, но тот, проявив неожиданную резвость, убежал все дальше и дальше, пока не вывел Моисея на плато. И здесь перед Моисеем открылось удивительное зрелище – росший на этом плато кустарник был объят ярким пламенем, но при этом не сгорал. Неожиданно Моисей ощутил, что этот куст притягивает его к себе, словно великая тайна мироздания.

– Пойду туда, – сказал себе Моисей, замороженный ярким огнем, – посмотрю на это великое диво: отчего не сгорает этот куст?

Когда Моисей подошел к охваченному пламенем кусту, оттуда раздался голос, который он не мог перепутать ни с каким другим – голос его отца Амрама.

И позвал его Всесильный из куста ежевики тем голосом:

– Моисей, Моисей!

– Я здесь, – сказал настороженно пастух.

И сказал Бог:

– Не подходи сюда! Сбрось обувь с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь – земля святая!

– Кто ты?

– Я – Всесильный Бог отца твоего. Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова.

Обращаясь к Моисею голосом его покойного отца Амрама, Всевышний, как говорит легенда, попытался избежать того, чтобы Моисей испугался «говорящего куста» и не убежал, как быстрый ягненок, а с другой – напомнил ему о тех уроках, которые Моисей получил в доме Амрама и Иохевед, где часто говорили о едином Боге народа Израиль.

Не в силах вытерпеть исходящего на него из кустарника сияния Божественного присутствия, Моисей закрыл лицо руками и сидел так, пока Предвечный держал речь.

Он сказал, что увидел бедствия еврейского народа который в Египте, и услышал вопль его из-за его притеснителей и познал Он боль его, и что настала пора вывести евреев из страны горестей, дабы поселить их в землях. А в тех землях сады плодоносят круглый год, мед и молоко течет в реках, а на сочных лугах пасутся огромные стада.

Закончил Бог словами:

– Ты станешь Моим пророком у Моего народа. А теперь посылаю Я тебя к фараону, и выведешь ты народ Мой, сынов Израиля, из Египта.

И в ответ на это предложение стать вождем нации да еще при Божественной поддержке Моисей отвечает:

– Кто я такой, чтобы идти к фараону и чтобы вывести сынов Израиля из Египта?

В этой фразе – весь Моисей, уникальный и великий. Ему не нужны ни миссия, ни слава ни власть – он пытается от них отказаться.

И в то же время в этой фразе можно услышать и горькую усмешку:

– Я простой пастух, у меня нет права пойду к царю Египта, и он не будет говорить со мной! Кто там сейчас помнит, что меня любила как сына дочь фараона, и я мог говорить с властелином Египта тогда, когда этого хотел?!»

И сказал Всесильный:

– Потому что Я буду с тобой, и вот тебе знамение, что Я посылаю тебя: когда выведешь этот народ из Египта, то вы будете служить Всесильному на этой горе!

Чтобы убедить Моисея в Своем Всемогуществе, Творец демонстрирует, что ему ведомо будущее: выведя евреев из Египта, Он приведет их на это самое место, и здесь, на этой горе, Бог откроется уже всему еврейскому народу.

– А как быть с народом? – задает вопрос Моисей. – Евреи спросят, кто дал мне право решать их судьбу. Да, у них горькая доля, но есть кусок хлеба, головка лука, баранья ножка, кувшин воды и крыша над головой. Они привыкли столетиями так жить и другой жизни не знают. Кроме того, я виновен в убийстве египтянина, и меня могут казнить.

– Об этом не волнуйся. Старый фараон умер, а новый объявил помилование в честь своего восшествия на трон. Старейшинам скажешь: «Бог отцов ваших, Бог Авраама, бог Исаака и Бог Иакова послал меня вывести вас из Египта, ибо видит Он, как вы живете, как вас притесняют египтяне, и как они над вами издеваются».

– А евреи спросят меня: как имя Бога? – замечает Моисей, – что я тогда скажу им?

И ответил Всесильный, сказал Моисею:

– Я – Сущий, Который Пребывает Вечно. Так скажи сынам Израиля: «Вечносущий послал меня к вам – Всесильный Бог отцов ваших; это имя Мое навеки, и это упоминание обо Мне из поколения в поколение.

Моисей вспомнил сразу же отца своего Амрама, который говорил ему:

– В нашем народе, Моисей, с времен Иакова хранятся в памяти слова, с какими обратится истинный спаситель к евреям, чтобы старейшины, а за ними и весь народ поверили в него и его миссию.

И далее Амрам произнес в точности те слова, которые сейчас Моисей услышал от Бога.

Бог велел Моисею назвать евреям свое самое сокровенное имя, которое запрещено произнесению, а потому и в прошлом, и сегодня в еврейской религиозной литературе его принято заменять словом «Господь».

– Разве фараон станет меня слушать? – спросил Моисей. — Я косноязычен, плохо говорю и с трудом могу убедить в чем – то даже мою жену Сапфиру.

– Я буду рядом с тобой и не покину ни тебя, ни твоего народа! Знай же, в помощь тебе я дам брата твоего Аарона. Ты будешь говорить его устами. И знай еще, что что евреи выйдут из Египта не с пустыми руками, а с огромным богатством в качестве платы за столетия своего рабского труда, причем египтяне дадут им эту плату добровольно...

– Хорошо, все так. Но ведь последнее слово за царем Египта, а не за старейшинами и мною.

– Да, тебе придется проявить терпение. Фараон не сразу отпустить сынов Израиля, ибо сердце его ожесточено. Но главное начать, явиться с Аароном и старейшинами к царю и сказать, что Бог евреев призвал их в пустыню на три дня, дабы помолиться и принести Ему жертву.

И все же Моисей делает еще попытку отказаться от этой миссии.

– Я знаю законы Египта, – сказал он, – фараон никогда не согласится. Одних слов будет явно недостаточно для того, чтобы убедить его.

Тогда сказал ему Бог

– Что это у тебя в руке?

– Пастуший посох.

– Это и пастуший посох, а – жезл. Брось его на землю.

Моисей с удивлением обнаружил, что держит в руке жезл из чистого сапфира, отделанного золотом. Он бросил его на землю, жезл в тот же миг превратился в огромного змея. Моисей испугался и побежал прочь.

– Не бойся, сказал Бог. – Протяни руку и возьми змея за хвост.

И протянул Моисей свою руку, схватил змея, и тот вновь превратился в посох.

– А теперь засунь руку свою за пазуху, – сказал еще Бог.

Моисей исполнил и этот приказ. Когда он вынул руку, она вся была покрыта проказой – белыми, как известь, струпьями.

– Засунь снова руку свою за пазуху и вынь!

Моисей не успел даже ужаснуться, как отвратительные струпья исчезли, и рука снова стала плотью такой, какая была.

И сказал тогда Бог:

– И будет, если не поверят тебе и не внемлют первому знамению. И будет: если не поверят они и этим двум знамениям, и не будут слушать, что ты говоришь, – то возьмешь из Нила воды, и выльешь ее на сушу – и вода, которую ты возьмешь из Нила, станет кровью на суше.

Сила этих двух знамений имела великое значение для Египта. Змея был символом царской власти и украшала корону фараона, а Нил обожествлялся египтянами.

И то, что простой пастуший посох обращался в огромного змея, а затем в посох, свидетельствовало красноречиво о том, что змей, символ владык Египта, становился просто забавой в руках Моисея. Это должно было произвести огромное впечатление на евреев, но еще больше – на египтян. А превращение воды в Ниле – главном кормилице Египта – усиливало состояние страха и безвыходности у фараона.

Знамение в виде проказы и ее мгновенного излечения также должно было повергнуть и евреев и египтян в ужас – это страшное заболевание считалось неизлечимым.

Но Моисей продолжает отказываться и прибегает к последнему имеющемуся у него аргументу – он напоминает Богу о своем физическом недостатке и том, что он не является искусным оратором и вряд ли сможет убедить в чем-нибудь евреев или фараона

И сказал Моисей :

– Прости меня, Господь, но человек я не речистый – ни со вчера, ни с третьего дня, когда ты заговорил со служителем Своим, ибо я косноязычен и заикаюсь.

Но услышал ответ Бога:

– Кто дал уста человеку, и кто делает его немым или глухим, или зрячим или слепым – не Я ли, Бог?! Итак, иди, и Я буду повелевать устами твоими и укажу тебе, что говорить.

И снова Моисей сопротивляется, говоря:

– Прости меня, Господи, но пошли того, кого Ты всегда посылаешь.

И три дня подряд убеждает Бог Моисея принять на себя миссию пророка и вождя нации, а тот отказывается, напоминая в ответ, что он, во-первых, заикается, во-вторых, за годы пастушеской жизни привык к одиночеству и отвык от общения с людьми, а в – третьих – просто не умеет произносить речи и убеждать.

А горькая фраза будущего вождя: «...пошли того, кого Ты всегда посылаешь» – то есть кого угодно, но только не меня – открывает подлинный смысл ответа. Он в следующем: я слишком хорошо помню, как повели себя евреи после того, как я убил египтянина: вместо того чтобы поднять восстание, они начали осыпать меня попреками и в конце концов донесли на меня фараону – их невозможно вывести из рабства потому, что они стали рабами по самому своему образу мышления.

Само косноязычие и заикание Моисея в глазах Бога было не недостатком, а достоинством – в этом случае, сама гладкая речь Моисея должна была восприниматься как чудо, доказательством того, что его устами говорит Всевышний; и что следует разделять дар красноречия и мудрость и понимать, что эти два качества редко проявляются в одном человеке в одинаковой степени.

Наконец Бог говорит решающее:

– Не чудеса, Моисей, творимые тобой при Моем участии, будут доказательством подлинности твоей миссии, а слова, передававшиеся из уст в уста с времен Иакова, станут главным знамением, что ты Мой посланец.

И ставит окончательную точку в длительном разговоре:

– Ведь знаю Я, что Аарон, брат твой, левит, он будет говорить. И будешь говорить ему, а Я буду влагать слова в уста его. И будет так: он тебе будет устами, а ты будешь ему вместо Всесильного. И посох этот возьми в руку свою, ибо им ты будешь творить все эти знамения.

Глава 12. Моисей, Иофор и Сепфора

Поняв, что Бог закончил разговор, Моисей спускается с Синая, возвращается в дом своего тестя Иофора и сообщает ему о своем намерении направиться в Египет.

– Иофор, – сказал Моисей, войдя в шатер священника, – сегодня со мной говорил Бог. Он избрал меня, и теперь я пророк Его. Он так и сказал: «По воле воле ты пойдешь в Египте; и выведи из этого царства народ Мой, сынов Израилевых». И Он подтвердил: «Я всегда буду с тобой»

И далее Моисей подробно рассказал о встрече с Предвечным, которая длилась три дня.

– Так ли это? – с недоверием взглянул на зятя Рагуил. – В своей жизни я видел немало людей, которые называли себя пророками. Но все они оказывались просто безумцами, бесноватыми.

В подтверждение подлинности своих слов Моисей протянул Иофору свой пастуший посох.

– Сейчас он превратится в змея! – Моисей швырнул посох на циновку.

Посох превратился в змея, и тот, извиваясь и зашипев, пополз к священнику.

– Отгони его от меня, – испуганно проговорил Рагуил. – Всю жизнь терпеть не мог этих гадов.

Моисей схватил змея за хвост, и он вновь стал посохом.

– Этот посох не только превращается в змея, – продолжал пророк, – он символ, знак власти над душами. Это знамение мне дал Бог, чтобы я освободил свой народ от рабства.

В этот момент в комнату быстро вошла Сепфора. Она услышала разговор, подбежала к Моисею и, упав на колени, с тревогой заговорила:

– Подумай, Моисей, муж он любимый! Ты едва не бредишь! О каком горящем кусте ты говоришь? Какие язвы ты исцеляешь? Какую воду собираешься превратить в кровь. Ты давно стал пастухом, одиноким отшельником. Сорок лет пасешь стада моего отца и никогда не говорил о своих соплеменниках. Я думала, ты забыл о них.

– Моисей с удивлением смотрел на Сепфору: он никогда не видел свою жену такой встревоженной и растерянной.

– Супруг мой и повелитель, – дрогнувшим голосом продолжала Сепфора, – у тебя семья. Подумай о ней. Ты хочешь бросить все, нажитое за столько лет, и отправиться неизвестно зачем? Ты напоминаешь мне чародея, который выдувает из уст пламя на базарной площади.

Моисей резко кинул посох на ковер, тот вновь превратился в змея и угрожающе зашипел.

– И что ты хочешь этим доказать? – Сепфора уже плакала.

Моисей молчал, а змей подполз к Сепфоре, поднял голову и укусил ее за ногу. Сепфора стала синеть и закатывать глаза, в горле что – то забулькало.

– Что ты делаешь, Моисей? – закричал Рагуил. – Твоя жена умирает!

Пророк схватил змея за хвост, снова превратив в посох. Приложил свою ладонь на укус.

Сепфора открыла глаза, удивленно открыла глаз и тяжело вздохнула.

– Что произошло? – растерянно спросила она. – Зачем ты держишь мою ногу.

Тогда Моисей отпустил руку от раны – та исчезла.

– Это знамени Бога, – сказал он. – Уверен, теперь ты мне веришь.

– Дочь моя, тебе надо идти с мужем, – Рагуил внимательно смотрел на дочь. – Я хорошо изучил Моисея. Он – человек верный и упрямый. Перед ним могущественный Бог Израиля поставил цель, сделал его орудием Своего Промысла. Моисей дал слово, что освободить евреев из рабства, и он обязательно это сделает.

Глава 13. «Умертвить его»

Утром следующего дня Моисей и его семья отправились в дорогу. Обреченно побрели по красной земле Мадиама ослы, на которых были нагружены теплые вещи и еда.

Моисей шел первым, крепко держа в руках магический посох. В памяти держал цепко слова Творца: «Помни о всех чудесах, которые Я поручил тебе совершить и сделай их на глазах фараона». Не забывал Моисей и о предупреждении Всесильного о том, что фараон «ожесточит свое сердце», а затем и сам Бог ожесточит сердце фараона; тот отпустит евреев не сразу, а лишь после того, как на Египет обрушатся жесточайшее бедствие, и самым решающим будет, когда Бог поразит сына, первенца фараона: «...и вот убиваю Я твоего сына, твоего первенца».

На пути в страну египетскую Моисей испытал потрясение от яростной воли Бога, готового умертвить своего посланника, но не допустить пренебрежение им заповедей Всесильного...

Был вечер перед ночлегом, когда Моисей занялся устройством шатра. Неожиданно он покрылся потом, потом его прошиб сильный жар, закатились глаза, дыхание стало тяжелым и прерывистым. Сепфира укрыла его теплыми накидками и напоила теплым вином, однако это не помогало. Моисей почти перестал дышать.

– За что Бог решил умертвить его? – мучилась вопросом Сепфора.

И вдруг догадалась, в чем причина болезни, угрожающей жизни Моисея, мужа ее. Он должен был сделать обрезание сыну на восьмой день и сделать это пока не закончился день.

«Умертвить его» – за то, что отодвинул исполнение Заповеди. Показать Моисею, что пренебрежение заповедью не прощается никому. Даже простому, обычному человеку. А Моисей – необычный человек, он пророк Бога, на него возложена миссия; он направляется в Египет, чтобы говорить с царем.

Он готов был умертвить Моисея и отказаться использовать его в качестве орудия Своей воли, потому что не собирался прощать ему уклонения от исполнения этой заповеди – обрезания плоти при рождении, – данной еще праотцу еврейского народа Аврааму, от которого Моисея отделяло более четырех столетий истории.

Чтобы умолить Бога послать Моисею исцеление, Сепфора сделала обрезание сыну, тем самым принесла его крайнюю плоть в жертву. И бог смилостивился над Моисеем, дал ему побороть недуг.

Глава 14. Единая фигура одного Пророка

В то самое время, когда Моисей двинулся из Мадиам в сторону Египта, Бог явился во сне Аарону и велел отправиться навстречу Моисею.

Так братья встретились на той самой горе Синай, где Бог явился Моисею в Неопалимой купине: Моисей шел по пути в Египет – Аарон из пределов Египта навстречу: он жил в той земле.

Они не виделись к тому времени много лет. Аарону исполнилось восемьдесят три.

В молодости Моисей был необыкновенно статным и красивым. У него были черные, как уголь, вьющиеся волосы, породистый крупный нос, огромные очень темные глаза и крутой лоб. Он завораживал любого, кто видел его. Взгляд Моисея привлекал своей остротой и пронзительностью

Аарон выглядел иначе: небольшой рост, почти лысая голова. И, в отличие от младшего брата, был всегда спокоен, как вода в кувшине. Голос Аарона был приятен, как бархат, а говорил он так просто и мягко, что каждое высказанное им слово трогало душу и зачастую убеждало слушателей в его правоте.

Он одинаково легко общался со знатью и черней, жрецами и ремесленниками.

Эти два родных человека были различны и в делах.

Моисей требовал и повелевал – Аарон старался убедить.

Моисей всегда видел горизонт, смотрел вдаль, пропуская детали и подробности, Аарон же был очень внимателен к ним.

Для Моисея народ был как единое существо – Аарон же воспринимал каждую семью и отдельную личность.

Моисею можно было только внимать и подчиняться – Аарону можно было и пожаловаться, и принести жалобу.

Моисей был над народом. И народ безоговорочно повиновался ему – Аарон был одним из людей этого народа.

Когда Аарон произносил речь, рядом обычно стоял Моисей, зорко следил за настроением толпы и что – то тайно нашептывал старшему брату.

В круг семьи в основном говорил Моисей. Речи давались ему с трудом. Он нередко подолгу подыскивал нужные слова, говорил всегда медленно и растянуто, но Аарон непременно слушал Моисея внимательно, никогда не перебивал его, частенько записывая за ним в листы папируса...

Однако истина такова, что и в Великих книгах и в памяти народа Моисей и Аарон стоят рядом, почти сливаясь в единую и грозную фигуру одного Пророка. Того, кто лишен человеческих черт и полностью принадлежал Богу...

Хотя Аарон и Моисей не виделись больше шестидесяти лет и превратились в убеленных сединами старцев, они мгновенно узнали друг друга, обнялись и расцеловались

Сепфора вынула из мешка хлеб, баранину, соленый сыр, кувшин с вином и расположила яства на траве.

Сыновья Гирсам и Елизер улеглись чуть поодаль и заснули.

– Итак, брат мой старший, говори, как живется в земле египетской, – попросил Моисей, когда мужчины возлегли на у еды.

– Плохо живется, – с горечью сказал Аарон. – С каждым днем народу тяжелее. Каторжные работы быстро сводят в могилы наших мужчин. Ужасно то, что наши дети забывают Бога, поклоняются идолам и, страшно подумать, что через три поколения евреи станут такими же язычниками, как египтяне.

Моисей задумчиво разлил вино по чашам, братья выпили и закусили терпкий напиток сушеной бараниной, смоченной в чесночном соусе.

– Бог говорил со мной, – после небольшой паузы заговорил Моисей. – Я и сейчас с трудом верю, но это именно так: Он послал меня в Египет освободить наш народ.

Аарон так опешил, что рука с сыром, поднесенная ко рту, застыла.

– Неужели это истинная правда? – наконец смог произнести он, отложив дрожащей рукой сыр на траву.

– Хотя и звучит странно, хотя я косноязычен и давно не был в Египте, но это истинная правда...

– ...Прости, я не хотел тебя обидеть, – поторопился перебить Аарон.

– Вот так и произошло, что Он выбрал меня, – не обращая внимания на восклицание брата, продолжал Моисей. – и приказал тебе, Аарон, говорить моими словами. Освобождение евреев из рабства – цель не только моя, но и твоя. Недаром Всевышний призвал тебя. Он знает, что ты умеешь красноречиво говорить, умеешь убеждать. Мне без тебя не выполнить возложенную миссию. Знай же, нам покровительствует Предвечный. Он не оставит в беде нас и наши народ.

И Моисей подробно рассказал брату о своей трехдневной встрече с Богом.

– Конечно, не сомневайся, брат. Я выполню то, что повелевает наш Бог, – твердо сказал Аарон.

После принятия трапезы и отдыха, братья тронулись в путь. Сепфора подошла к Моисею и тихо сказала, чтобы не слышал Аарон:

– Моисей, муж мой единый, попроси у Бога, может он отпустит тебя домой? Освободить евреев сможет и один твой брат. Ты – шепелявишь, он – искусный оратор. Ты всю жизнь прожил вдали от Египта, он знает хорошо евреев и их жизнь. Он лучше тебя может исполнить волю Бога.

– Сепфора, все уже решено, – медленно ответил Моисей. – На то воля Бога, и я не могу ей противиться. Если ты устала, иди обратно. Я не держу тебя.

Сепфора заплакала.

– Это бремя – мое – продолжал Моисей. – Я не молод, хотел бы дожить свой век спокойно. Но Бог призвал именно меня.

Сепфора подняла взгляд на мужа, вытерла слезы и сказала:

– Я не покину тебя. Если Всевышний выбрал тебя, значит, ты достоин этой великой миссии. И Он верит в тебя, у Него есть на то причины.

Но подошел Аарон, слышавший разговор и сказал:

– Сепфора, подумай о детях. Там, в Египте, нас ждут многие беды, нас могут обратить и в рабов. Спаси детей, возвращайся в дом отца своего Иофора.

– Аарон прав, – сказал Моисей – это опасно для тебя и детей. Иди домой.

Так Аарон уговорил Моисея отправить жену и детей обратно к Иофору.

Глава 15. Моисей и старейшины сынов Израиля

Войдя в пределы Египта, братья пришли в Гесем, где жил Аарон. Моисей поселился в его доме, в самой лучшей комнате.

Утром он одели нарядные одежды и отправились на встречу со старейшинами, самыми уважаемыми в еврейской общине людьми. Аарон обратился к почтенным мужам со словами:

– Брат Моисей, сын родителей наших Амрама и Иоховеды, хочет говорить с вами.

Начальники колен внимали спокойной и неторопливой речи Аарона с достоинством, медленное поглаживая седые бороды и храня загадочное молчание.

Моисей напрягся, мысленно подбирая слова, которые должны были убедить старейшин: перед ними посланник Бога, призванный Им освободить евреев от горькой неволи.

«Лишь бы не посчитали меня самозванцем или сумасшедшим» – лихорадочно размышлял Моисей, – тогда мне придется бросать посох, засовывать руку за пазуху, окровавливать воды Нила».

«А если это не подействует? – по телу Моисея пробежала неприятная дрожь, – и что тогда?».

Аарон, выждав время, пока старейшины, повернув головы в сторону Моисея, внимательно рассмотрели его, продолжил своим бархатистым голосом, но уже с пылкой страстью:

– Моисей был призван Богом нашим и Богом отцов наших вернуть славу сынам Израиля, ибо видит Он как народ теряет свою самобытность и превращается в язычников.

Старейшины сдержанно молчали.

– В скором времени еврейский народ может забыть язык, обычаи и Бога, – восклицал Аарон, поднимая руки к небу. – Если мы не выйдем из рабства, будущие поколения растворятся среди других племен, как соль в воде.

Ответил старших из почтенных мужей, слушающих речь Аарона:

– Это безумие говорить о выходе из рабства! На стороне египтян – огромная сила: многочисленная вооруженная армия, масса надзирателей, стражников, шпионов. Восстание неизбежно будет разгромлено, а евреев начнут истреблять как мух.

Моисей, сдерживая гнев, вступил в разговор:

– Евреи перестали замечать свое рабство и мечтать о свободе, что и есть подлинное рабство, не только телом, но и душой. Это пугает Бога нашего! Если не остановить такой позор, евреи вскоре забудут, что они самостоятельный народ и привыкнут к мысли, что Бог предоставил им самую лучшую привилегию – вечно работать на других, создавать богатство для чужаков.

– Фараон скорее уничтожит половину евреев, – сказал Ифамар, сын Аарона, – но не выпустить их за пределы государства. Только что умер Рамсес, губитель еврейских детей. И мы очень рискуем навлечь гнев Мернепты, нового властителя. Лучше быть в своем жалком положении, чем вздернутым на виселице.

Моисей резко поднялся, сверкнул глазами:

– Умалишенные! Несчастные! Жалкие рабы! Вы стали зверями, если предпочитаете сытую неволю. Скучная похлебка и небольшой кусок хлеба для вас дороже свободы. Почему?!

Молчали старые, с глубокими морщинами на лбах и щеках, и седым блестящим волосом на голове и в бороде, евреи. Разве плохо жилось евреям? Тот, кто гнет спину с утра и до вечера и слушает надсмотрщиков, имеет вполне сносную еду для себя и своего семейства. У рабов есть свои жилища и огороды. Есть утварь и одежда. И есть камыш для огня в печи. И никто не мешает евреям молиться своему Богу.

Однако понимали они, что рабство растлевает евреев, все чаще проявляется в них животная покорность и звериная дикость, уединение. Лица евреев становятся тупее и злобнее, носят

отпечаток низости души – исчезает гордость, достоинство, осознание принадлежности некогда к свободолюбивому и единому народу, который жил своей собственной, пусть и трудной, судьбой.

И стало им стыдно перед своим соплеменником, который в столь серьезном возрасте покинул свою спокойную жизнь ради их свободы – какой пример подают они молодому поколению, – и начали оправдываться:

– Мы не забываем язык наших предков!

– Мы сохранили свой счет месяцев, не перешли на египетский календарь!

– Мы сохранили веру отцов наших; и Бог не отвернулся от нас!

– Мы хотим вырваться на свободу, сбросить оковы!

Горько усмехнулся Моисей:

– Вы уже перестали исполнять обряд обрезания, заповеданный нам праотцами. И только колено Левия свято чтить...

– Нам неловко перед тобой, – разгоряченно ответили начальники колен, – это наше опущения. Но мы готовы исправить его – ведь все – таки Бог еще хранит нас, если направил тебя!

Тогда заговорил величественно Моисей:

– Именно Бог требует от евреев покончить с рабством. Вы говорите, что любите Его? Тогда следуйте тем повелениям, которые Он передал через меня.

И здесь вступил в разговор Аарон, его спокойный голос утихомирил было возникшую перепалку между братом и старейшинами:

– Слушайте, почтенные мужи! Внимайте тому, о чем я вам сейчас поведаю.

И Аарон рассказал старейшинам о встрече его брата в пустыне с Предвечным, о тех знаниях, которые Сущий передал Моисею, и о возложенной на него миссии.

А затем произнес слова, обращенные Богом к Моисею: «Так скажи сынам Израиля: «Вечносущий послал меня к вам – Всесильный Бог отцов ваших; это имя Мое навеки, и это упоминание обо Мне из поколения в поколение... Увидел Я бедствие народа Моего, который в Египте, и услышал вопль его из-за его притеснителей, ибо познал Я боль его. И сошел Я спасти его из-под власти Египта и привести его из той страны в страну прекрасную – страну, текущую молоком и медом... А теперь посылаю Я тебя к фараону, и выведешь ты народ Мой, сынов Израиля, из Египта...».

Здесь произошло удивительное знамение. Как только Аарон произнес эти слова от имени Моисея, сидевшая в углу глубокая старуха неожиданно встала со своего места, обошла Моисея кругом и дрожащим от волнения голосом сказала:

– Это – он! Это – те самые слова, которые он должен был сказать! Он выведет нас из Египта!»

Этой старухой была Серах – дочь Асира, одного из двенадцати сыновей Иакова, последняя из оставшихся в живых, кто еще помнил первые годы жизни евреев в Египте.

– Ему осталось только подтвердить знаками, что именно он посланник Бога к евреям.

Тогда Моисей показал свой пастуший посох, превращающий воды в кровь, исцеляющий проказу.

– Сомнений нет, – заключила Серах, – Моисей и есть наш избавитель по воле Всевышнего.

Все старейшины поклонились Моисею и пали ниц перед ним.

Среди двенадцати колен народа Израиль два колена – Ефрема и Левия – с большей воодушевленностью, чем их собратья, мечтали о свободе. Еще за тридцать лет до появления Моисея несколько тысяч воинов из этих колен вместе с семьями попытались уйти из Египта, но потеряли путь к Ханаану и погибли в пустыне. Потому они с ликованием встретили весть о посланце Бога.

Для них Неопалимая купина, полыхающая голубовато – красным огнем, была не простым диким кустом, а символизировала вечность еврейского народа – подобно этому кусту евреям было суждено пройти через страшные исторические испытания, через огонь и смерть и тем не менее продолжить свое существование в истории. По легенде, через эти два колена и был назван горящий куст кустом Моисея.

Моисей поведал старейшинам о своем плане действий:

– Вместе с вами, почтенные мужи, мы отправимся к фараону и убедим его отпустить евреев. Для этого есть предлог: по обычаю предков мы должны в это время совершить жертвоприношение в пустыне.

– Но фараона будет не так легко убедить?

– Да, в этом правда ваша, старейшины сынов Израиля. Наш народ строит египтянам дома, пирамиды, разветвленные и правильные каналы. Без нас Египет засохнет, как пальма без воды. Фараон будет упираться как вол, которого ведут на бойню, и наш Бог вначале ожесточит его сердце, но затем Мернепта уступит.

Глава 16. Первая встреча с фараоном

– Встреча с царем Египетским, – тревога звучала в словах старейшин, – очень опасна для нас лично и для всего народа.

Моисей, напротив, был настроен категорично:

– Я уверен, что еврейский народ представляет большую силу и может создать опасность для фараона и египетской знати. Разговор с Мернептом следует вести твердо, без опасения за нашу жизнь.

Старейшины напоминали о разобщенности евреев, многие из них отошли от Бога и постыдно поклоняются египетским идолам.

– Вот поэтому мы должны показать фараону уверенность в нашей правоте, – настаивал Моисей, – твердость духа. Завтра это будет уже труднее, ибо Мернепта станем сильнее, а мы – слабее. Сегодня мы можем сравниться с египтянами в силе и числе, а завтра, при тех законах, которые издал новый властитель, – уже нет. Мы превратимся в жалких покорных рабов, которых и близко не подпустят к дворцу.

– Неужели ты думаешь, что силой можно чего – нибудь добиться от Мернепта? – колебались старейшины.

– Я не сомневаюсь, ибо так хочет наш Бог. Я буду говорить при первой встрече так, как заповедовал Он. Я скажу, что еврейский народ должен принести жертву Богу в праздник. И сделать это он должен отдельно от язычников, от египтян. А это можно совершить только в пустыне. Имея этот предлог, мы сможем покинуть Египет.

Старейшины продолжали сомневаться:

– Мернепта не глуп, чтобы поверить в эту сказку

– Возможно. Но у нас просто нет другого выхода. Пойдем к нему и потребуем отпустить нас.

– Скорее всего он откажет!

– И пусть откажет, другого я не жду. Но мы должны с чего – то начать. И начать немедленно! Не забывайте, что нам помогает Бог. Он повелел мне вывести сынов Израиля из Египта, и я это сделаю, как бы трудно не было!

– А ты подумал, как нас пропустят к фараону?

– Пока не знаю. Утро покажет, какой знак нам подал Всевышний.

Ранним утром Моисей, Аарон и старейшины евреев отправились на прием к фараону.

Дворец Мернепта располагался на окраине столицы, и пока евреи шли к нему желтое египетское солнце огнем залило красную землю. Вдоль дороги теснились слепленные из глины и соломы хижины, в которой проживали кожевники, сборщики соломы и скотоводы. Узкие улочки между хижинами вились юркой блестящей змейкой, сливаясь вдали в одну широкую дорогу, ведущую к центру городу. Там пребывала в роскоши и благополучии египетская знать. Там же располагались поражающие своим величием и красотой знаменитые дворцы фараона и храмы египетских богов.

Моисей и суровые старейшины передвигались на верблюдах, медленно переступавших и мерно покачивающих удлиненными головами с крупными навывкате глазами.

Тягостные мысли обуревали старейшин. Они стали осознавать, в какое опасное дело ввязались, поддавшись, как малолетние дети, страстным словам Аарона. Кто они такие, чтобы фараон их слушал? Жалкие бессловесные рабы! Даже если их пропустят к фараону, он и не подумает прислушаться к их просьбе, а просто придет в ярость и велит казнить их, да еще обрушит новые повинности на головы народа.

В то время, как братья делились между собой мыслями о предстоящем разговоре с фараоном, почтенные старцы, впав в страх, один за другим стали отставать от Моисея и Аарона. И когда братья подошли к воротам дворца, то увидели, что за ними никого нет.

Стражники и не подумали пропустить во дворец двух высоких бородатых евреев, а когда те стали настаивать, на них спустили с цепей молодых львов и пантер. Однако Моисей одним движением руки с посохом усмирил животных, они умолкли и улеглись смиренно, как собачки.

Моисей сделал такое же движение в сторону стражников, и они почувствовали, как их тела словно окаменели, а ноги приросли к полу, и то же самое в этот момент произошло со всей дворцовой стражей.

Моисей и Аарон спокойно прошли мимо дворцовой охраны в тронный зал. Был день рождения фараона, и он весь день принимал посланцев из окрестных стран, прибывших с дорогими подарками.

Мернепта, недавно вступивший на трон, встретил гостей настороженно, полагая, что те пришли с просьбой уменьшить бремя, возложенное на рабов.

Только что фараон хорошо помолится у реки своему богу и считал, что его молитва услышана и все будет хорошо в его царстве.

– Мира и благоразумия тебе, государь, – поклонился фараону Моисей. – Звать меня Моисей. Со мной пришел мой брат Аарон.

– Моисей, Моисей, – задумчиво протянул царь Египетский. – Да, вспомнил. Это ты убил египтянина, когда еще жив был мой великий отец Рамсес, а потом бежал из Египта, и тебя не успели казнить. Ты смело вернулся, потому что я тебя простил.

– Я убил египтянина, – оправдывался Моисей, – потому что он издевался над моим несчастным соплеменникам. Но я и помог Египту – шестьдесят лет назад я возглавил войско Рамсеса, когда эфиопляне вторглись в пределы Египта и угрожали истребить твой народ. Ты должен помнить, что моя армия разгромила врага.

– Чего ты хочешь, – исподлобья глядя на Моисея спросил Мернепт.

Моисей и не помышлял о том, чтобы заявить фараону, что он просит освободить евреев от рабства и отпустить их из страны – было бы нелепо рассчитывать на то, что фараон с легкостью откажется от сотен тысяч дешевых рабочих рук. И он решил не говорить фараону всей правды.

Поэтому Моисей обратился к фараону с просьбой отпустить евреев из Египта только на три дня – для того, чтобы они могли совершить жертвоприношения своему Богу в соответствии с обычаями своих предков.

– Я пришел просить тебя отпустить евреев на три дня. Мы должны отправиться в пустыню, чтобы помолиться нашему Богу, принести Ему жертвы и просить Его о благодати, ибо может Он поразить нас мором или мечом.

– Кто такой Бог, чтобы я послушался его и отпустил Израиль?! – спросил фараон. – Не знаю я Бога, и Израиль не отпущу!

Необходимость ухода на это время в пустыню Моисей объяснил фараону тем, что евреи приносят в жертву Всевышнему тех животных, которых египтяне считают священными, и потому им бы не хотелось оскорблять их религиозные чувства.

– Я простил тебе убийство египтянина, – ответил фараон. – хотя любого другого за такое злодеяние ждала смерть. Я позволил тебе вернуться в Египет, полагая, что ты хочешь умереть на родине предков. Но я не позволю, чтобы ты и брат твой Аарон отвлекали народ от работы. Вы не даете работать этому многочисленному народу своей болтовней. Идите и трудитесь вместе с ним!

Моисей, тщательно подбирая слова, рассказал царю Египта о своей встрече с Богом – только не сказал о том, что Тот велел выйти своему народу из Египта и никогда не возвращаться обратно.

– Бог хочет, чтобы евреи вышли из Египта на три дня, – сказал Моисей, прижимая крепко к груди посох. – Он повелел, чтобы ты подчинился Его воле и не чинил евреям препятствий. Я не лгу, верь мне. Отпусти народ наш, ибо Бог хочет, чтобы мы совершили Ему праздник в пустыне.

И сказал тогда фараон:

– Я не могу понять: если столь всемогущий Бог и в самом деле намерен сделать евреев свои избранным народом, то как объяснить, что они влачат столь жалкое и униженное существование?! Почему он не благоволит к евреям?!

– Всесильный Бог открывается евреям не сразу, – глядя в упор на фараона, сказал Моисей. – Сначала он требует, чтобы сыны Израиля испытали большие страдания для крепости духа.

Однако фараон так не считал, он ответил:

– Египтяне владеют всей мудростью мира, и раз в их священных книгах нет упоминания о Боге под именем «Господь», то его вообще не существует. Для меня ваш еврейский Бог не может быть сильнее богов Египта, сильнее Бога Ра, воплощением которого я сам, фараон Мернепт. И потому не смей и не гневи меня требованием освободить евреев на три дня от работы только потому, что так захотелось вашему загадочному Богу!

Моисей бросил посох перед фараоном на мраморный пол. Посох обратился в змея, который грозно зашипел на Мернепту.

Царь Египетский ударил в ладони, и перед ним появились придворные тайноведцы и чародеи Ианния и Иамврия – сыновья Валаома, – весьма искусные в фокусах и чудесах.

– Покажите этим евреям, – миролюбиво молвил фараон, – что наши боги тоже умеют творить чудеса.

Два высоких смуглолицых египтянина кинули о пол свои жезлы, которые здесь же превратились в змей и, злобно шипя, набросились на змея Моисея. И произошло чудо: посох Моисея тотчас проглотил змей египетских.

– Вижу я, – насмешливо сказал царь, – что твой жезл нынче сильнее египетского. Но это для меня ничего не значит – ведь ты, Моисей, еще в юности обучался у наших мудрецов фокусам и гипнозам. Они были искусными магами, а ты оказался способным учеником. И твои старейшины покинули тебя, потому что не верят своему Богу, а тебя считают лишь шарлатаном.

– Наш Бог покарает тебя и твой народ, если ты не позволишь евреям покинуть Египет.

– Не гневите меня, ибо я прикажу казнить вас. Мое решение твердое – евреи не покинут Египет. Идите, работайте и не волнуйте народ своими безумными речами.

Глава 17. Хитрость Мернепта

Фараон решил пуститься на хитрость, а не бросать упрямцев в темницу и тем более – не казнить. Он понимал, что не стоит делать из Моисея и Аарона мучеников, принявших смерть. Евреи могли бы превратить их в национальных героев, святых жертв, а там недалеко и до восстания.

И повелел Мернепт в тот день надсмотрщикам не давать больше соломы евреям для изготовления кирпичей, как ранее было. Отныне рабы должны были сами собирать солому, но число изготавливаемых кирпичей, какое они делали и вчера и перед этим, не уменьшалось. Как полагал фараон, тяжестью ляжет работа на евреев, им некогда будет тогда прислушиваться к пустым словам и кричать: «Пойдем, принесем жертвы Богу нашему».

Выполняя повеление фараона, надсмотрщики вышли к народу и кричали ему:

– Сказал фараон наш: «не даю я вам больше соломы. Сами идите, берите себе солому, где найдете. Ибо ни в чем не уменьшена ваша работа».

Евреи делали в Египте сырцовые кирпичи, в которых глина для крепости смешивалась с соломой. Ее готовили на берегах рек и доставляли евреям иные язычники. Мстительная идея фараона заключалась в том, заставить рабов собирать еще и солому для кирпичей, сохранив при этом прежнюю норму выработки. Тем самым, как он полагал, евреи будут отвлечены от мысли о побеге или – восстании.

Мернепта рассуждал со своими придворными:

– Тяжести в работе вскоре станет непосильной для евреев, и они начнут просить о пощаде и проклинать Моисея. Отрекуются от него и Бога, который желает вывести евреев из Египта.

Поначалу евреи пустились на ответную хитрость: часть рабов отправлялась собирать на полях страны солому, а часть делала кирпичи. Фараону донесли об этом, и он немедленно повелел запретить разделение труда.

По наущению жрецов, искушенных в интригах, Мернепта издал указ, гласивший о том, что назначить надсмотрщиками над работами соплеменников евреев, наказание за невыработку числа кирпичей в день применять не к провинившимся, а к этим еврейским надсмотрщикам.

Египетские надзиратели начали избивать еврейских надсмотрщиков, говоря им:

– Почему вы не сделали, как прежде, положенного числа кирпичей – ни вчера, ни сегодня?!

Те самые еврейские надсмотрщики были уважаемые и пользующиеся авторитетом у народа люди. Боль и страх за свою жизнь и сынов Израиля понудили их явиться к фараону и спросить:

– Царь Египта, за что прогневался на нас? Мы же твой народ, рабы твои послушные!

Этого и ждал Мернепта. Возликовал он внутри, но лицо хранил непроницаемое, скорбное.

– Вы народ мой любящий, – печально сказал фараон, – я даю вам работу, хлеб, жилища. Вы рождаете детей, почитаете своего Бога. Я и боги Египта хранят вас. Разве не так?

– Правда, правда повелитель наш, – стоя на коленях, верноподданнически восклицали евреи, – ибо лучшего царя мы не знаем.

– Тогда почему слушаете возмутительные речи Моисея и Аарона? Почему не откажетесь от них? Не идите с этими братьями, не собирайтесь с ними вечерами и ночами в хижинах своих, не думайте о служении своему Богу, и тяготы ваши будут сняты.

Услышали почтенные евреи фараона, пришли вечером в дом Аарона и бросили тяжкие обвинения ему и Моисею:

– Вы являетесь причиной всех наших бедствий. Из – за вас страдает наш народ, а фараон защищает нас. До вашего появления мы жили терпимо, а сейчас вы дали фараону повод усилить тяготы и сделали положение евреев поистине ужасающим. И не должны теперь говорить от имени Бога, мы призываем Бога обрушить на вас кару за то зло, которое вы причинили людям.

– Уходите с земли Египта, – добавили уважаемые старцы, – мы не хотим вас больше знать!

Торжествовал Мернепта. Видел себя дальновидным политиком А как же! Он выиграл сражение с Моисеем и его Богом, прямо не вступая в него, чужими руками, руками соплеменников вынудил отступить Моисея.

Если бы он казнил или арестовал Моисея и Аарона, то это его решение превратило бы их в национальных героев, святых мучеников и могло бы вызвать возмущение их соплеменников. Да, конечно, их восстание было бы потоплено в крови, но зачем доводить до такого?! Делая работу евреев совершенно непосильной, обязывая выйти на работы и членов колена Леви, до того считавшихся свободными; приказывая замуровывать в стену вместо недостающих кирпичей еврейских младенцев, Мернепт ясно дал понять, что виновниками всех этих бедствий являются новые вожди нации, которых якобы призвал Бог.

Фараон обратил гнев народа на Моисея и Аарона, он спровоцировал ненависть к ним, подрывая авторитет посланцев Бога и веру народа в то, что на этих людей возложена миссия по освобождению евреев из рабства. И возложена Свыше.

Спешно покину Моисей Египет, выехал обратно в Мадиям и пробыл там три месяца, с мая по июль 1314 до нашей эры, не показываясь в шатре Рагуила.

– Сердце болит у меня за судьбу своего народа, – обращается он к Богу, – Я стал причиной самого тяжелого периода его истории.

В его словах слышится упрек:

– Зачем сделал Ты зло тому народу?

Горечь сменяется неуверенностью в своей пригодности к столь великой миссии:

– Зачем послал меня? Не избавил Ты народа твоего через меня

– Ты избран мною вождем нации, – убеждал Моисея Всевышний. – Только через твой дух и веру Я произведу освобождение евреев. Я предупреждал: сердце фараона ожесточится настолько, что выйти евреям из неволи только по желанию своему противоестественно; им ничего другого не остается другого, как положиться на Меня. А тебе тем более – ты мой посланник, пророк!

Бог давал понять Моисею, что вскоре он проявит себя как Высшая сила, и эта сила может при необходимости изменить ход истории так, как считает нужным.

Укрепившись в духе своем и вере, в летнем месяце, в начале августа Моисей возвращается в Египет

Часть II. Пришел черед десяти казням

Глава 18. Первая казнь: «...и стала вода смрадом»

По дороге в Египет Бог говорил Моисею:

– Упорно сердце фараона, не хочет он отпускать евреев из Египта. Но утром ты вместе с Аароном встретишься с царем Египетским у реки. Встань против него на другом берегу. Он откажет тебе в просьбе отпустить евреев в пустыню на жертвоприношение. Пусть тогда Аарон ударит жезлом по водам – и они станут кровью, а рыба в реке – мертвой. И смрадным станет Нил, вода будет горька и солена, и египтяне отчаются пить воду из Нила. И будет кровь по всей стране Египетской – и в дереве, и в камне.

Фараон ежедневно спускался к Нилу, чтобы проверить, насколько поднялся уровень воды в этой важной для египтян реке.

Зная об этом, Моисей с Аароном пришли на ее берег. Мернепта чувствовал себя превосходно – вода в реке поднялась, значит, боги слышат его просьбы и благоволят к Египту.

– Царь Египетский, – твердо глядя в глаза фараону, сказал Аарон. – Бог, Всесильный Бог евреев, послал меня к тебе сказать: отпусти народ Мой, чтобы Мне он служил в пустыне.

– Ваша упрямство становится назойливым, – грозно сказал Мернепта. – Не волнуйте народ, иначе я вас казню.

Но Аарон поднял руку с жезлом и произнес:

– Ты не послушался доселе; вот ударяю посохом, который в руке моей, по воде, что в Ниле, и она превратится в кровь.

И тогда пришла первая казнь на Египте: поднял Аарон посох, и ударил им по нильской воде на глазах фараона; и превратилась вода, что в Ниле, и что во всех водоемах страны, в кровь, а рыба вся в Ниле подохла, всплыв кверху животами. Попробовал один из придворных фараона той рыбы, и стал корчиться в муках.

Египтяне проснулись и увидели, что Нил сверкал необычным красным цветом. Вскоре это потрясающее известие дошло до всех. Жидкость, которой была наполнена река, видом, запахом и вкусом напоминала кровь. Вся рыба в реке всплыла животом кверху, запах разлагавшейся рыбы наводил на египтян болезни. Египтяне начали искать различные источники воды. Они говорили: «Под землей должна быть чистая вода. Моисей смог поразить лишь ту воду, которую можно увидеть».

Египтяне копали колодцы возле реки, но даже подземная вода превратилась в кровь. Казалось, весь Египет пропитан кровью. Кровь капала с колонн дворца фараона, сочилась с деревьев и камней, стекала с идолов. Фрукты больше не давали сока, и когда египтяне выдавливали плоды, из них вытекала кровь. Даже слюна египтян, как только они ее выплевывали, превращалась в кровь.

Остался лишь один источник чистой, прозрачной воды, пригодной для питья – вода земли Гесем. У сынов Израиля воды было вдоволь. Египтяне устремились в землю Гесем, чтобы набрать там этой драгоценной влаги, но как только они пытались проглотить ее, она превращалась в кровь.

Но эта казнь не произвела никакого впечатления на фараона – он увидел в этом не более чем колдовской трюк. Еще и потому, что лично его первая казнь не коснулась

– И мы научены таким чудесам, – важно сказали жрецы и чародеи. На это способен любой, кто обучался египетской мудрости. А мы помним, что Моисей в юности как приемный сын дочери фараона изучал магию.

В подтверждение истинности своих слов жрецы обратили небольшое количество превратившейся в «кровь» воды обратно в чистую.

Мернепта гневно говорил Моисею и Аарону:

– Своими действиями вы только усилили тяготы ваших соплеменников. Теперь, помимо сбора соломы и изготовления кирпича, им придется и днем и ночью искать чистую воду. Их силой заставят рыть колодцы до тех пор, пока они не найдут хорошие источники для людей и скота. И радость мне принесли жрецы, что наш великий бог Осирис обязательно защитит народ Египта от вашего Бога, ибо он могущественней!

Семь дней длилась первая казнь. Изнемогая под палящим солнцем, сына Израиля копали землю, чтобы найти воду для египтян. Многие умерли, не выдержав непосильного труда.

– Донныне мы жили у фараона тяжело, но таких тягость не знали, – роптали рабы. – Это Моисей навлек на нас гнев царя Египта. Теперь он убьет нас тяжелыми работами

А домоправитель фараона закупил огромное количество чистой воды у живущих в Гесеме евреев и жизнь во дворце продолжалась как ни в чем не бывало. Без нужды, в праздности и сытости...

В Древнем Египте Нил, «великая река», всегда был источником жизни, общим достоянием двух земель – Верхнего и Нижнего Египта. Широко известно изречение Геродота: «Египет – дар Нила». Существовали представления, согласно которым по небесному Нилу днем плывет ладья Солнца. Под землей тоже есть Нил, по нему Солнце, спустившись за горизонт, путешествует ночью.

Образ подземного Нила был тесно связан со смертью, с душами умерших и судом над ними в загробном мире. Обращаясь к богу, египтянин говорил: «Ты создал Нил в преисподней и вывел его на землю по желанию своему, чтобы продлить жизнь людей, подобно тому, как ты даровал им жизнь, сотворив их».

Бог Хапи (которого изображали тучным человеком с сосудами в руках, из которых льется вода) был образом Нила, протекавшего на земле. Он почитался как «высокий Нил, который дает жизнь всей стране своим питанием», как податель влаги и урожая. По преданию, пещера, откуда бог следил за подвластной ему рекой, находилась немного южнее Асуана, на острове Бига у первого порога. Сам Нил населяли добрые и злые божества в образе животных: крокодилов, гиппопотамов, лягушек, скорпионов, змей. Отцом Хапи был первобытный океан.

Глава 19. Казнь вторая: «...и вышла огромная жаба»

И вновь Моисей является к фараону и от имени Бога предупреждает того, что если он не отпустит евреев, то на Египет обрушится второе бедствие – казнь жабами.

А накануне Бог сказал Моисею:

– Иди и предупреди царя Египетского, чтобы он отпустил Мой народ, иначе я наполню землю жабами, и будет их неисчислимое множество. И покроют они всю землю, и будут издыхать и смердеть. Жабы будут в домах египетских, в постелях их, и в печах, и в квашнях. Сделать это должен Аарон. Скажи ему: наведи руку свою с посохом на реки, протоки и на озера и наведи жаб на страну Египетскую. И тогда возропшут египтяне на своих правителей!

Если первая казнь обрушилась на Египет в конце лета 1314 года до н. э., то вторая казнь наступает египтян в начале осени, в сентябре этого же года.

Фараон отдыхал у реки, когда Моисей и Аарон пришли к нему. Стояла необычайно жаркая для этого времени погода, и Мернепту нагоняли свежий ветер веерами молодые стройные и полуобнаженные эфиоплянки.

– Моисей, ты знаешь, что твои единоверцы проклинают тебя? – спросил Мернепта, завидев братьев. – Теперь им приходится еще и копать глубокие колодца, и они справедливо считают твою гордыню причиной своих бедствий. Вот чего добился ваш Бог, превратив воды в кровь.

– Отпусти народ в пустыню молиться своему Богу, – без страха ответил Аарон. – Мы будем досаждать тебе, пока не получим согласия.

– Мне надоедает общаться с вами, – грозно произнес царь Египта, – я уже сказал, что не отпущу евреев даже на один день, ибо вашу хитрость я давно разгадал – вы не собираетесь возвращаться.

– Сына Израиля не смогут дальше работать, если им перестанет покровительствовать Бог! Отпусти народ, и он, отблагодарив Бога, вернется и станет трудиться с еще большим усердием!

– У меня прекрасные надсмотрщики, – усмехнулся Мернепта, – которые заставят работать евреев как следует и без поклонения Богу.

– Тогда наш Бог поразит твоих подданных египтян. Он поразит их землю. Она вскипит жабами.

– Мои боги сильнее вашего. Они избавят Египет от всех тварей.

И вот Аарон простер посох Моисея над Нилом. Из этой реки вышла огромная безобразная жаба и начала прыжками продвигаться к дворцу фараона.

– Убери эту мерзость, – закричал Мернепта.

– Теперь мы не силах, – сказал Моисей, – изменить эту казнь, ибо она послана Богом. И только он может миловать и казнить. Отпусти евреев, Он очистит твою землю от жабы.

– О, мои жрецы, – взмолился фараон, – прикажите превозмочь эту тварь.

– Наша Хекет, богиня воды и плодородия, – важно сказал главный жрец, – есть гонительница жаб. Она очистит немедленно Египет от зеленых гадов.

Чародей ударил своим жезлом оземь, но жаба не исчезла, а, наоборот, из ее пасти выпрыгнули мириада жаб поменьше. Они мгновенно распространились по всему Египту, но обходили стороной населенную евреями провинцию Гесем.

Такой страшной беды Египет никогда не знал. Лягушки издавна водились на египетской земле, однако в таком количестве не распространялись по всей стране. Непонятным было для египтян, как жабы проникали в дома с наглухо закрытыми в них дверьми и окнами. Еще одним чудом было то, что жабы распространились по всей стране, но ни одна жаба не перешла государственные границы Египта, а также не вошла на землю Гесем.

Жабы заполнили сушу и воды, они карабкались друг на друга, создавая громадные, безобразные, скользкие горы и пирамид; падали и вновь взбирались на спины друг друга; вяло переваливались с боку на бок и издыхали мириадами, не в состоянии добыть себе пищу, но успевая давая непрерывно потомство – и, казалось, не будет конца этому нашествию.

Верблюды не могли вытащить ноги из сплошного месива жаб, колеса повозок скрывались в нагроможденных телах тварей, люди перестали открывать двери, чтобы не впустить жаб в дом. Египет словно вымер, ни одного человека на улицах городов.

Мернепта срочно собрал жрецов, задал вопрос:

– Можете вы, обученные все премудрости египетской, устранить это бедствие из страны?

Понуро опустили головы тайноведы, только и развели руками – этого они сделать не могут.

И вот тогда в сознании фараона происходит первый поворот: он вынужден признать могущество Бога, от имени которого говорят Моисей и Аарон, и просить Его отменить наказание...

На закате дня, когда мягкая прохлада теснила летний зной, в хижину Аарона пришли гонцы Мернепты.

– Государь требует вас к себе. Он требует немедля.

Впервые царь Египетский принял Моисея и Аарона в своем обиталище. Мраморные стены дышали прохладой, не давали жаркому солнцу пробиться внутрь дворца.

Мернепта сидел на троне в задумчивой позе. Взгляд серьезный и глубокий. Он убедился в силе Бога, стоящего на стороне братьев. Однако уступать по – прежнему не хотел, ибо знал, кто уступил и проявил слабость, обязательно будет побежден.

– Моисей и Аарон, уберите из Египта мерзких гадюк, они уже добрались до царских покоев и храмов наших богов, – тон фараона был просительный. — Мои жрецы и чародеи, к сожалению, не могут избавит страну от жаб. Вот посмотрите, я заставил их ловить эту тварь руками. И, кажется, у них получается.

Тут братья заметили, что придворные тайноведы Ианния и Иамврия бегают по дворцу, пытаются поймать зеленых тварей, быстро упрыгивающих от них.

– Ты должен отпустить наш народ! – Моисей предстал перед фараоном иным. Теперь он держался уверенно и даже величественно, преисполненный верой в осуществимость своей миссии. Он уже не подчиняется, он начинает навязывать свои правила фараону.

– Чем быстрее ты отпустишь, тем легче станет твоему народу.

Фараон ответил не сразу, мучительно раздумывал:

– Помолитесь Богу, пусть удалит он жаб от меня и народа моего, и я отпущу ваш народ и принесут они жертвы Богу.

Потом добавил:

– Но я отпускаю только взрослых мужчин. Семьи же ваши останутся в Египте.

– Я с этим не согласен, – твердо произнес Моисей. – Все должно происходить по нашим законам. Мы выйдем все народом, иначе Бог не примет наши жертвы.

Мернепта устало повернул голову и призвал главного чародея Египта. Тот подошел к трону и низко наклонил голову, пряча взгляд.

– Почему богиня Хекет не помогает нам? – тихо спросил фараон. – Она покинула нас? Испугалась Бога Моисея?

– Уже семь дней прошло. Мы приносим Хекет много даров, но она равнодушно взирает на наши страдания и не вызволяет нас из беды. Жабы множатся день ото дня, и конца этому не видно.

Мернепта в порыве гнева ударил жреца жезлом и обратился к Моисею:

– Ты убедил меня. Я отпущу весь народ Израиля на три дня. Как скоро ты уберешь жаб из Египта?

Моисею важно убедить фараона во всемогуществе Всевышнего, и потому он предлагает царю Египта самому назвать день и время, когда должны исчезнуть заплонившие Египет земноводные.

– Как того пожелает наш Бог. Я буду просить его. Когда ты хочешь, чтобы Он удалил жаб из египетских пределов?

– Хочу, чтобы завтра же их здесь не было? Проси об этом немедленно своего Бога!

– Я передам Ему твою просьбу, – в голосе Моисея чувствовалось торжество. – Он удалит жаб от тебя, домов твоих и подданных твоих. И чтобы ты знал, что нет иного Бога, кроме нашего.

И в назначенный фараоном час все жабы в Египте разом подошли, и египтяне начали собирать их в огромные груды на улицах, где они гнили, отчего во всех городах и деревнях страны появилась невыносимая вонь. Много потом дней и ночей трудно было дышать.

Лягушкам приписывалась власть над разливами Нила, от которых зависел урожай. Маленькие лягушки появлялись в реке за несколько дней до ее разлива и поэтому считались вестниками плодородия. Кроме того, в Египте существовало поверье, будто лягушка обладала способностью самозарождения, поэтому она связывалась с загробным культом и воскресением после смерти. Она считалась священным животным древнеегипетской богини плодородия Хекет – одного из символов бессмертия (поскольку её священное животное – лягушка, то она изображалась в виде лягушки или женщины с лягушкой на голове). Богиня-лягушка помогала роженицам, а в загробном царстве – воскресению умерших»

Бог посмеялся над суеверием египтян и над их божествами, наслав на весь Египет полчища жаб и лягушек.

Глава 20. Казнь третья: «Поистине перст Божий»

Однако, как только жабы вымерли, фараон решил, что он поспешил с данным Моисею обещанием и расценил свою уступку крайне унижительной, которая наносит огромный удар по авторитету монархии.

И коварно обманул Моисея, сделав вид, что вообще ничего не обещал Моисею.

– Богиня Хекет смилостивилась над нами, – сказал Мернепта. – Ваш Бог здесь ни при чем, ибо Хемет приняла наши жертвы, снизошла с небес и умертвила в землях моих зеленых гадов.

Тогда наступает черед третьей египетской казни – наказания «киним», которая приходится на конец лета 1314 года до н. э. Обычно во всех переводах Библии слово «киним» переводится как «вши», и именно вшей оно обозначает в современном иврите – это и блохи и клещи. А в историю вошло со словом «мошки»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.